ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК: ОПЫТ ПРОБЛЕМЫ НАХОДКИ

А.В.АПРАУШЕВ

ВОСПИТАНИЕ ОПТИМИЗМОМ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»
1983

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказано об уникальном опыте воспитания и обучения детей, лишенных слуха и зрения. Большое внимание автор уделяет раскрытию педагогического процесса становления личности ребенка.

Полноценная, активная жизнь бывших воспитанников детского дома — убедительное свидетельство педагогической и социально-нравственной значимости этого опыта.

Для учителей.

[Нет иллюстраций, требуется вычитка нескольких мест по тексту с оригинала]

- А. В. Апраушев
  -
  - Предисловие
  - Обычный день
  - Диалоги с непосвященными
  - Каникулы
  - Мы живем среди друзей
- notes
  - 1

А. В. Апраушев
Воспитание оптимизмом: Записки директора Загорского детского дома для слепоглухонемых детей

Печатается по решению Редакционно-издательского совета АПН СССР

Рецензенты:

старший научный сотрудник НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР Р. Р. Кондратов;

зав. лабораторией изучения и воспитания слепоглухонемых детей НИИ дефектологии АПН СССР кандидат педагогических наук В. Н. Чулков

Предисловие В. В. Давыдова

Предисловие

Суть уникального опыта, о котором рассказывается в этой книге, — формирование человеческой психики в условиях отсутствия зрения и слуха. Психолого-педагогическая система М. А. Соколянского и А. И. Мещерякова, лежащая в его основе, удостоена Государственной премии СССР за 1980 г.

Автор книги, кандидат педагогических наук, директор Загорского детского дома для слепоглухонемых А. В. Апраушев — последователь этих замечательных советских ученых. В этой книге он раскрывает систему воспитания и обучения слепоглухонемых детей, сложившуюся в данном учреждении[1].

Загорский детский дом для слепоглухонемых детей был открыт в 1963 г. по инициативе А. И. Мещерякова и О. И. Скороходовой научных сотрудников Института дефектологии Академии педагогических наук СССР, А. В. Апраушев работает в нем с 1965 г.

Люди, воспринимающие все краски и звуки мира, обычно не задумываются о трагедии тех, кто лишен зрения и слуха. Да и возможна ли полноценная жизнь в полной темноте и тишине? Эта книга поможет ответить на этот вопрос.

Ребенок, даже лишенный основных каналов связи с внешним миром, может найти свое место в жизни, приносить пользу обществу, стать самобытной личностью. Только происходит это не само собой, а благодаря длительной, кропотливой, целеустремленной работе педагогов, вооруженных научно обоснованной методикой обучения и воспитания, безгранично верящих в возможности человека, шаг за шагом выводящих слепоглухонемого ребенка из мрака и безмолвия в окружающий мир, к людям.

Развив до совершенства функционирующие у них органы чувств, слепоглухонемые дети могут не только в определенной мере компенсировать отсутствие зрения и слуха, но и развить свою психику до уровня, позволяющего воспринимать богатство окружающего их мира. Подтверждение тому — судьбы многих воспитанников Загорского датского дома.

«Сюда можно приезжать, чтобы зарядиться оптимизмом» — это одна из многочисленных записей в Книге отзывов гостей детского дома, познакомившихся с жизнью детей, с системой учебно-воспитательной работы его педагогического коллектива.

В кабинете директора этого детского дома стоит бюст А. И. Мещерякова, выполненный его бывшим воспитанником. Совершенствуя методику И. А. Соколянского — А. И. Мещерякова,

учителя и воспитатели продолжают поиски эффективных путей развития психики слепоглухонемых, обогащения их внутреннего мира.

Надо ли говорить о трудностях работы педагогов, огромной сложности проблемах, которые встают перед ними и многие из которых они решают? Думается, что, ознакомившись с этой книгой, читатели поймут их сами. Но все эти трудности и тяготы окупаются ни с чем не сравнимой радостью творения человеческой души, становления человека, осознавшего себя как личность, как носителя многовекового социального опыта человечества. Педагоги стоят у истоков человеческого характера, удивительного чуда — человека, который «неистощим, как море, и памятью насыщен, как земля» (М. Волошин)

Через общение с воспитанниками, буквально «из рук в руки» воспитатели поднимают их со ступеньки на ступеньку к человеку, от приобретения простейших навыков самообслуживания и закрепления поведенческих стереотипов — к рождению и развитию индивидуальности с широкой системой человеческих потребностей и, самое главное, — с потребностью в познании, общении с другими людьми, самовыражения в труде и творчестве. Титаническая, подвижническая педагогика! И ключ к педагогическим победам — доступная и разносторонняя деятельность детей, активное внимание к каждому ребенку, неиссякаемая вера в его возможности, дружеская, доброжелательная атмосфера.

Эта книга убеждает в том, что любовь к ребенку, воспитание его любовью, преодоление в педагогической практике душевной и духовной слепоты и глухоты, нравственное совершенствование самого педагога могут очеловечить другое человеческое существо, даже потерявшее зрение и слух. Бездушию должен быть закрыт доступ в педагогику Другую душу можно оживить только собственной душой.

Разумеется, не все утверждения автора этой книги бесспорны. Однако нельзя утверждать, что и науке сегодня известно все о природе человеческой психики, о резервах и возможностях развития детей с сенсорными дефектами.

Важно, что в опыте этого детского дома находят убедительное подтверждение действенность основополагающих принципов советской педагогики, нравственное здоровье нашего общества, всесторонняя, реальная забота социалистического государства о его будущем — детях.

Пафос этой книги — утверждение ценности человека в обществе, создавшем условия для всестороннего развития даже тех людей, к которым природа отнеслась сурово. Этот опыт

расширяет наши представления о возможностях познания человеком окружающего мира, о том интеллектуальном, духовно-нравственном потенциале, который заложен в каждом человеке.

Действительный член АПН СССР профессор В. В. Давыдов

Обычный день

Коллективу
Загорского детского дома для слепоглухонемых в год 20-летнего юбилея посвящаю.

Сентябрьское утро. Каждый день, подъезжая к детскому дому, я с тревогой и ожиданием смотрю сквозь стекло автобуса за высокий штакетный забор: как там — все ли в порядке?

От остановки автобуса возвращаюсь немного назад и, переходя Ярославское шоссе, различаю у ворот мальчишескую фигуру. Это воспитанник Сережа С. С ним две собаки. Сквозь прерывистый грохот автомагистрали доносится приветливый нетерпеливый лай.

На поводке Сережа держит высокого, поджарого пса, с узкой мордой и роскошным веерообразным хвостом. Это Огонек, неоднократный золотой медалист, общий любимец и предмет восхищения наших частых гостей. Рядом маленькая, неуклюжая приблудная дворняжка с модным именем Бимка.

На зависть Огоньку она стремительно кидается к моим ногам. Огонек рывком натягивает ремень, заставляя Сережу резко откинуться назад и поправить очки.

Радость встречи безмерна. Бимка виляет хвостом и счастливо повизгивает. Огонек молча трется мордой о карман моего плаща. Сережа вглядывается во всю эту кутерьму, поднимает в приветствии руку и смеется. Мы обмениваемся рукопожатием.

В анамнезе у Сережи целый список болезней. Но роковым оказалось воспаление легких, перенесенное им в шестимесячном возрасте. Ребенок был причислен к безнадежным. Помог стрептомицин. А спустя несколько месяцев родители подметили отсутствие у мальчика интереса к окружающему и — к ужасу своему — убедились, что сын не видит и не слышит. Было от чего потерять голову. Но любовь победила отчаяние. Начались мытарства по больницам.

До семи лет пытались восстановить слух но лечение не принесло успеха. Зато три глазные операции дали определенный результат. В шесть лет ребенок увидел свет одним глазом, а в семь стал немного видеть обоими, но через сильные линзы. В семь лет и три месяца он стал воспитанником Загорского детдома для слепоглухонемых детей.

В акте обследования Сережи при его поступлении записано: «При общении пользуется небольшим количеством жестов или

берет за руку взрослого и подводит к предмету, который нужен». Для ребенка семи лет это свидетельствует о глубокой задержке умственного развития.

Сейчас Сереже пятнадцать. Рослый, крепкий, необыкновенно подвижный и сообразительный подросток. Был период, когда питал он страсть к отмычкам. Из чужих тумбочек, шкафов и чемоданов извлекал и припрятывал приглянувшиеся ему предметы. Однажды со склада завхоза исчезли дорогие электронные часы, а спустя полгода у Сережи обнаружили от них матрицу. Пришлось сознаваться и просить прощения. Мальчишку не наказали, а вопреки распространенной логике вручили связку ключей от сараев и теплицы: Доверие породило в нем ответственность и ревностное отношение к общественному добру. Однажды все замки с чужих сараев, оставшихся неснесенными на новой детской площадке, перекочевали на наши. Сережа рассуждал так: в старых сараях, которые все равно скоро сломают, хранится лишь жалкий скарб, а наши любимые животные могут быть похищены. Пришлось очень долго втолковывать мальчику недопустимость подобной «акции». В результате замки были возвращены владельцам сараев, а для наших купили новые, поручив Сереже охрану содержащихся в сараях животных.

Как-то Сережин отец, приехав навестить сына, подарил ему набор столярных и слесарных инструментов и взялся с его помощью отремонтировать домик на детской площадке. Они настелили полы, навесили дверь, вставили в нее замок. «Сережин домик» стал центром притяжения для многих ребят. Мальчик оказался радушным хозяином, охотно разрешая желающим поработать своими инструментами. Мечта Сережи — научиться все делать «как папа». С друзьями он и окна домика остеклил, стол сколотил и даже трубу дощатую на крыше возвел. Из домика часто слышны стук молотков, звук ножовки и детская возня.

Хороший парень Сережка. Доброжелательный, веселый, всегда готовый выполнить поручения старших. Да и малыши к нему льнут: одному велосипед починит, другого в домик пустит посмотреть, а то и молотком даст постучать...

Пропуская друг друга, наконец протискиваемся в калитку. Шум автострады остается позади. Навстречу нам в русло зеленой аллеи выплескивается солнце. После дымного шоссе особенно приятен запах утренней озонной свежести.

Редкие удары колокола доносятся со стороны Троице-Сергиевской лавры: четверть восьмого.

Перед нами несколько слева фасад красивого белого здания детдома. К нему ведет среди цветов и деревьев асфальтированная дорожка.

Оглушительно грохнув дверью, с крыльца сбегает высокий широкоплечий подросток в сильных очках. Хлопая спадающими ботинками, он приближается к нам. В его руке карандаш и бумага. Это Олег П. Крепкое рукопожатие, и начинается наш ежедневный утренний обход двора.

Олег заболел двусторонней пневмонией в возрасте одного года семи месяцев. И тут помог стрептомицин. Пролежав в больнице три месяца, малыш не только перестал ходить, но и сидел лишь с помощью многочисленных подушек. Вскоре обнаружилось отсутствие зрения и слуха, стала распадаться речь. В возрасте трех лет ребенок перенес первую операцию глаз, в четыре — вторую. В детском доме с шести лет.

Возможности общения Олега ограничивались скудным запасом нескольких жестов. Сколько ни бились педагоги, к словесному общению относился безразлично, и, к великому их отчаянию, шевеление пальцев перед своим лицом принимал за какую-то новую игру, улыбался радостно, но внимания не фиксировал.

Однако было замечено, что Олег заинтересованно следит за разговорами взрослых, вернее, за их жестикуляцией, позами, шевелением губ. Вот и решено было использовать это любопытство, чтобы проникнуть в сознание Олега с первым словом. Таким словом стал вопрос «Что?». Олега научили складывать его на пальцах, и, как только мальчик воспроизводил это магическое слово, беседующие должны были удовлетворить его любопытство. Смысл разговора передавался с помощью жестов, драматизации и слов, значения которых тут же объяснялись. С тех пор от Олега не стало покоя. Не только чужие беседы, но и поступки людей, их отдельные действия — все вызывало у него вопросы. Легкий рывок Олегова подбородка вверх, вопросительный взгляд широко распахнутых голубых глаз и шевеление пальцев, в которое можно было и не вглядываться, заранее зная — оно означает: что? Постепенно мальчик запоминал все больше слов, запас их стал достаточно богатым для общения.

Олег — необычайно жизнерадостный парнишка. Его трудно представить без улыбки на широком, толстогубом лице. Безотказный, физически сильный, Олег — незаменимый помощник завхоза. Одна беда — безалаберный, несобранный, неопрятный. Вечно у него смяты задники тапочек и даже ботинок, из-под брючного ремня торчит подол рубахи, пуговицы брюк расстегнуты, кончик ремня небрежно свешивается из-под пряжки. Все меры внушения действуют кратковременно. Олег улыбается, с готовностью приводит себя в порядок, а через минуту снова

предстает в растрепанном виде. Что поделаешь? Все силы родителей были брошены на лечение и обслуживание ребенка, где уж тут воспитывать у него аккуратность. Вот и сейчас шнурки ботинок тащатся по асфальту, но делать замечание я не спешу. В голове рождается лукавый замысел, но его осуществление я откладываю до подходящего момента.

Мы подходим к кролиководческой ферме. Мальчик лет тринадцати кладет в кормушки траву из большой плетеной корзины. Девочка с ярко-голубым бантом в волосах передвигается вдоль клеток и тычет носиком маленькой лейки в поилки, свободной рукой проверяя уровень налитой в них воды. В открытую дверь сарая видно, как черноволосый подросток «взнуздывает» блеющую овечку, чтобы отвести ее на выгон.

Каждый день я вижу эти утренние хлопоты. В их привычной простоте и обыденности скрыт заряд огромной воспитательной силы. Эти повседневные дела — действенное средство развития наших детей, накопления опыта разнообразных впечатлений, обогащения эмоционального мира, становления нравственности. Утренние встречи с природой, общение с животными задают бодрый, мажорный настрой на весь день. Сколько радости от одной только овцы Катьки, от ее теплых доверчивых губ, подбирающих с детской ладошки овес, задорных, смешных прыжков, дружеской возни с собаками! А собаки!? Как приятно чувствовать через натянутый поводок нетерпеливую дрожь собачьего тела! Какой искренней привязанностью и любовью отвечают они на заботу и внимание!

В конце дня — новые ощущения, успокаивающие, снимающие нервное напряжение. Неторопливо устраивающиеся на насесте представители пернатого общества, мирно купающиеся в опилках под присмотром петуха декоративные курочки, безмятежно растянувшиеся под брюхом, крольчихи месячные крольчата. Иное состояние, иной ритм…

Сережа протягивает руку к забытому кем-то с вечера мешку. Мешок отсырел от вечернего дождя, и концы его тяжело свисают с крыши клетки. Непорядок! На листочке у Олега появляется запись: «Убрать с клетки мешок».

Я доволен. Утренние обходы — оправдавший себя способ мобилизации, деловой активности и самодеятельности ребят, формирования у них чувства сопричастности ко всему окружающему, ответственности и предприимчивости. Без умения видеть недостатки в окружающей жизни, без способности каждодневно вычленять участки ближайшего приложения собственных сил не может быть хозяина, человека активной жизненной позиции. Через свободно избранный и самостоятельно

спланированный труд проходит путь к самоуправлению детского коллектива, воспитанию ответственного отношения к делу, заинтересованности в его результатах.

Словно балерины, на прямых ножках пробежали цесарки. Петух провел стайку кур к лужице на асфальте. На клумбе под флоксами тревожно закудахтала клуша, цыплята высунули головки из-под ее крыльев. Огонек приподнялся и замер. Лучи солнца зажигают ярким пламенем рыжую шерсть на спине собаки. Сережа, нагибаясь, показывает мне на Огонька: красиво! Бимка, проскользнув под брюхом Огонька, разразилась звонким лаем. Пес вздрогнул и напрягся, как натянутая струна, готов рвануться. Бимка всегда его провоцирует. Я осаживаю собак строгим «Фу!».

Сережа передает мне поводок и бежит в сарай. Возвращается с горстью овса и отсыпает немного в мою ладонь. Мы приседаем с протянутыми в сторону цыплят руками, и я тихонечко посвистываю. Цыплята настораживаются, крутят головками и, попискивая, бегут к нам. Приятно ощущать на ладони легкие толчки упругих клювиков, касание их пушистых головок, обонять теплый цыплячий запах.

Выходим на детскую площадку. (Ее мы называем новой. Она появилась после сноса старых сараев.) На площадке — качели, горка, спортивные снаряды, беседка и маленькое овсяное поле. А в овсе гуляют две лошади — красная и синяя. Но это только кажется издалека, что они гуляют по полю. На самом же деле овес настоящий, а лошади нарисованы на заборе. Рисунок символизирует нашу коллективную мечту о маленькой лошади — пони.

Наш путь лежит мимо сарая. В простенках между кирпичными столбами, подпирающими железную крышу, аккуратными стопками сложены кирпичи. Двери сарая открыты. В одной его половине — тара из-под краски, пустые ведра, в другой, словно винтовки в пирамидах, стоят штыковые и совковые лопаты, грабли, вилы. В глубине сарая ящики со стеклом, старая мебель, какие-то сантехнические детали. Справа от сарая за густым малинником — мастерская, сторожка, гараж. Сережа, ответственный за экономию электроэнергии, выключает лампы над дверью мастерской и воротами гаража. Заглядываем на огород, в сад. Олег записывает: «В теплице вставить два стекла, в огороде собрать помидорную ботву».

Дописав, Олег пытается тронуться с места. Не тут-то было! Это я придавил шнурок носком своего башмака. Олег, раскрыв рот, смотрит на меня своими глазищами сквозь мощные линзы очков. В ответ на его недоумение я складываю на пальцах: «Олег, пиши: завязать шнурки на ботинках». Парнишка крутит головой,

смущенно смеется, пытается завязать шнурки, но я не даю, настаивая на записи. Олег в растерянности. Он представляет, как дежурный на линейке, распределяя поручения, записанные его собственной рукой, при всех прочтет этот пункт, и он, Олег, у всех на виду, торопясь и волнуясь, будет завязывать шнурки. Он не может понять, шучу я или на самом деле обрекаю его на позор. Мне жалко Олега, у него такой унылый вид. Я убираю ногу.

Тем временем черноволосый мальчик уже отвел на выгон овечку и движется мимо нашей группы с леечкой в руке, слегка касаясь ногой бордюра. Я протягиваю руку и дактилирую ему под ладонь: «Здравствуй, Радж!» Радж отвечает голосом, напряженно выговаривая нечеткие звуки. Но я по ситуации догадываюсь: «Здравствуйте, Альвин Валентинович!» Жму ему руку.

— Как дела?

— Хорошо.

На лице Раджа озорная улыбка: он нацеливается носиком лейки в карман моего плаща.

— Что ты делаешь? Я же утону!

Радж радостно смеется: шутка удалась. Шутке у нас цена особая. Она рождает непринужденность, дружеский тон общения, расцвечивает наши будни.

Между тем Радж спешит развить успех:

— Когда привезут пони?

— Я не знаю.

— Я цыган. У цыгана должна быть лошадь.

— Радж, лошадь ест много сена, надо на следующий год больше накосить и насушить травы.

Радж готов запасать траву, ворошить ее целыми днями во дворе, лишь бы приблизить мечту к осуществлению. Я понимаю его нетерпение и тоже очень хочу, чтобы у нас была лошадь. Хотя с нею связаны дополнительные заботы, разного рода опасения, сомнения. Как привезти, где пасти пони, чем кормить долгую зиму, на кого из взрослых возложить контроль за правильным содержанием животного? Да и о безопасности надо подумать: лошади кусаются, брыкаются.

Мы по опыту знаем, как много хлопот со зверьем. Появление каждого вида животных предваряется у нас просвещением прежде всего педагогического персонала. Приобретаются необходимые руководства, выписывается журнал «Кролиководство и звероводство», читаются лекции о разведении и содержании домашних животных. А уж затем проводится обучение воспитанников. Постепенно, день за днем они привыкают к животным, приобретают навыки ухода за ними. Иначе нельзя.

Как-то на заре нашей кролиководческой деятельности

услышал я доносившийся со двора панический вопль:

— Альвин Валентинович! Альвин Валентинович! Скорей!

Сорвавшись с места, выскакиваю во двор, торопливо соображая, с кем и что могло случиться. У сарая в окружении четырех воспитанников — воспитательница, схватившаяся за голову.

— Скорее! Крольчиха подавилась! — показывает она на клетку. — Мы хотели вытащить, а она упирается, рычит.

В пасти у крольчихи, готовящейся к прибавлению семейства, — большущий клок сена. Она смотрит укоризненно, словно приглашая меня в свидетели творящейся несправедливости. Гляжу иронически на немолодую уже воспитательницу. Она недоумевает: почему я не предпринимаю экстренных мер?

— Безнадежно? — в ее голосе трагические нотки, меня распирает смех.

— Галина Ивановна! Вы когда-нибудь наблюдали как крольчиха мастерит гнездо?

— А что?

— Да то, что она сейчас именно этим и занята, а вы хотели ей помешать, да и меня в союзники призвали. Видите, она у вас просит сена в клетку добавить.

— Неужели?! А я-то думала…

— Разъясните ребятам, что произошло, да так, что бы смешно было. А потом прочитайте с ними руководство по разведению кроликов. Для этого сейчас сама подходящая ситуация.

Да, это только на взгляд несведущего все так просто:

— Ой, какие хорошенькие крольчатки!

А эти милые крольчата то и дело болеют, и их болезни нужно вовремя распознать, уметь вылечить кроликов. Вот и не хотят в школах лишнего беспокойства. На самом же деле просто переносят его из одной сферы в другую. Нет кроликов — есть бездельничающие подростки, доставляющие неизмеримо большие неприятности, чем забота о кроликах.

С лошадью нам будет посложнее, чем с другими животными. Но это не прихоть и не пустая забава. У Раджа появится постоянное дело, ответственность за любимое существо. А с ними придут навыки и сноровка. И вырастет из Раджа человек, способный не только себя обслужить, но и другим помочь.

Дети и животные! Их разумное общение — путь к достижению многих педагогических целей. Воспитание детей становится естественным. Они живут не в плюшевом и кукольном, а в реальном мире человеческих отношений с природой.

Животные у нас для разного возраста. Каждый ребенок

познает трудности и радости заботы о них. Самые маленькие кормят цыплят, цесарят, щенят, котят, морских свинок; дети постарше — кур, цесарок, кроликов; еще более старшие ухаживают за собаками, овцами. А вот самым старшим так не хватает лошади! Настоящей! Чтобы ездить, катать Малышей, опекать, жалеть и любить. Именно об этом мечтает Радж.

Радж родился абсолютно глухим и слепым на правый глаз. Лишь левым, словно сквозь мутное, слюдяное окошечко, мог вглядываться в окружающий мир. В таборе он пользовался неограниченной свободой. Это сформировало у него самостоятельность, бесстрашие и любознательность. Он даже пытался играть в футбол со сверстниками, за что и поплатился потерей зрячего глаза, выбитого чьим-то ботинком. С тех пор в коллективных играх он воспринимался детьми как помеха и основными его друзьями стали собаки.

В детский дом Радж был привезен в одиннадцать лет. К этому времени он владел изрядным количеством жестов, сформировавшихся в непосредственном общении с близкими. Маму он обозначал прикосновением к мочке уха, ибо она носила сережки. Папу — проводя пальцами под носом, где у него имелись усы. Радж отличался необузданным нравом, многочисленные шрамы на его худеньком теле свидетельствовали о бойцовском характере парнишки. Долго не удавалось нормализовать его поведение. Учитель находился в постоянном напряжении. Новый ученик убегал из класса, дрался, катался на дверях, прятался под столы, искусно там маскируясь. Во время тихого часа он изводил всех своими воплями. Любимым занятием Раджа была проверка чужих тумбочек, шкафов, сумок.

Когда впервые Радж встретил меня с Огоньком во дворе детского дома, он словно обезумел. Мальчишка обнимал и целовал пса, который на редкость терпеливо сносил явно обременительные для него нежности. Эта любовь к собакам помогла внедрить в его сознание первое слово. Каждый день при встречах мальчика с Огоньком ему напоминали, что это любимое им существо — собака. Недели две спустя Радж при небольшой помощи педагога дактилировал это слово.

Воспитанию Радж поддавался с трудом. И все-таки в характеристике, составленной после третьего года обучения, написано следующее: «Радж спокоен и уравновешен. У мальчика много друзей. Радж очень любит малышей, охотно с ними играет, жалеет обиженных. Очень любит, когда его хвалят. Словарный запас у него очень большой. С Раджем можно беседовать на любую бытовую тему. Он хорошо чувствует и понимает собеседника, сам напрашивается на беседу, задает много

вопросов. Стал тянуться к книге…»

Мы продолжаем обход территории. Вот еще одна детская площадка — для самых маленьких: справа — домики, в которых стоят носилочки, лопаты и другой детский инвентарь; слева — песочницы, карусели, горка, лесенки, беседка, игрушечный паровоз с вагонами.

С северной стороны здания детдома — хозяйственный двор, вход в котельную, расположённую в полуподвале. На земле валяется совковая лопата, на куче шлака — откуда-то взявшаяся доска; консервная банка, выброшенная на уголь, ослепительно блестит на солнце. Сережа крутит указательным пальцем у виска: «Беда с этими кочегарами!» Олег делает новые записи.

Груда металлолома — вещественное доказательство нашей бурной хозяйственной деятельности. Сережа трогает меня за плечо и дактилирует: «Надо увозить». Я согласно киваю головой и добавляю тоже на пальцах: «Сегодня позвоню».

Поворот налево, и мы оказываемся у центрального входа в здание, с восточной его стороны. Прямоугольником расположились аккуратно подстриженные липы, ветки сирени образовали своды над садовыми диванами и асфальтированными дорожками.

Из дома выбегает на зарядку группа мальчиков в спортивной форме, еще одна. В этой группе некоторые бегут, держась за плечи товарищей. Выбежали и девочки. Сережа загоняет собак в вольер и тоже спешит на зарядку. Встает в круг и Олег. В центре — физкультурница. Слабовидящие дети стоят впереди, несколько сзади — их слепоглухонемые товарищи. Они касаются корпуса впередистоящих и повторяют за ними упражнения.

В открытые окна доносятся сигналы точного времени — восемь. Пора в кабинет.

С зарядки прибегает Олег и протягивает листочек бумаги со списком неотложных дел. Следом появляются комсомольцы Лена С. и Оксана З. После завтрака — линейка. До линейки мы должны просмотреть список, подкорректировать его и распределить трудовые обязанности по группам. Олег уходит, но вскоре возвращается, возбужденно дактилируя:

— Сломали кровать.

— Кто сломал?

— Вова и Юра толкались.

Олег пантомимой объясняет, как это было.

— Позови воспитателя.

Олег убегает. Рабочий день начался.

Завхоз приходит поделиться планами на сегодня. Кладовщица с печальным лицом сообщает, что не работает

холодильник. Дежурный воспитатель просит автобус на экскурсию.

В проеме двери замелькали пальчики. Это здороваются девочки, пробегающие в медпункт. В кабинет входят и усаживаются на стулья ребята из моей группы: Олег, Оксана и Юра. Это выпускники. Скоро они уйдут от нас работать на производство.

Заглядываю в свой план. Дел на сегодня немало: ремонт клеток для кроликов, жатва на овсяном поле, в мастерской — изготовление булавок, монтаж вилок на электрошнурах. Все это нужно предварить беседой с ребятами, вызвать у них вопросы, вовлечь в диалоги, превратив каждый из них в общий разговор, а затем, уже после трудового дня, закрепить новые слова и обороты в сочинении под названием «Что я делал сегодня?».

Надеваю халат и направляюсь с ребятами во двор. Мы уже на пороге, когда раздается телефонный звонок. Звонят со станции — пришел вагон угля. Надо срочно оформлять документы, разгружать, возить, следить за его сохранностью. Объясняю ребятам ситуацию, прошу подождать.

Завхоз уже побежал на товарную станцию, я повис на телефоне, умоляя диспетчера автоколонны дать хотя бы одну машину, чтобы в течение дня перевезти уголь, завуч ищет воспитательницу, которая согласилась бы сопровождать машину. Нужно еще поставить сторожа.

Сколько таких неотложных дел возникает в течение дня! Хозяйственные хлопоты грозят захлестнуть, поглотить. В каких только ролях не приходится выступать. Бываю и плотником, и агрономом, и грузчиком, и садовником, и дворником, и администратором… Как важно в суете и круговерти повседневности не упустить главного — во имя чего существует и этот дом, и все хозяйственные службы, и наш труд, и мы сами. Как необходимо видеть основную цель споен деятельности а во всех делах — педагогический смысл.

Детдом представляется мне кораблем. Мы плывем на нем в сторону взрослости наших воспитанников. Наш корабль сотрясают их возрастные бури, мы наскакиваем на подводные рифы наших хозяйственных осложнений, попадаем в водовороты событий. И все-таки неуклонно идем вперед, идем…

Наконец-то мы с ребятами во дворе. Осматриваем клетки. Оторвалась от крыши планка, рубероид торчит рыбьим плавником, плохо запирается дверца, в одной из клеток нет поилки.

— Альвин Валентинович! Москва! — слышу я крик из открытого окна. Бегу в кабинет.

Из Москвы сообщают, что едет иностранная делегация, и я должен ее принять. Не успеваю положить трубку, как в кабинете появляется завхоз:

— Автобус сломался.

(Как всегда неожиданно.)

Что значит сломанная машина для детского дома — понять нетрудно. Призываю завхоза проявить собственную инициативу и спешно покидаю кабинет.

Воспитанники одни. Хорошо, что они уже приучены к самостоятельности и поэтому не разбредутся и бездельничать не станут. Но ведь нужно организовать еще и словесное общение. Я подключаюсь к совместной работе — ремонту клеток.

Мимо нас проходят дежурные, ответственные сегодня за различные участки нашего хозяйства. Юра Т. идет кормить кота Рыську. Он так и заявляет: «Олег — хозяин собаки, я — хозяин кота». Сколько гордости в это короткой фразе! Хозяин, — значит, ответственный за жизнь и здоровье любимого существа. Девочки из подготовительной группы несут в коробке вареное пшено, перемешанное с мелко нарубленными яйцами. Они сегодня ухаживают за цыплятами. Двое второклассников, взявшись за дужку ведра, тащат корм курам, третий, обгоняя их, мчится с банкой сухарей.

Хозяйство у нас безотходное. Ботва, очистки и хлебные корки — кроликам и овце, гуща от первых блюд — курам, а жидкость — в пойло. Кости грызут собаки.

Когда воспитанники на каникулах, корма животным не хватает, поэтому мы его заранее запасаем: осенью и зимой сушим из оставшегося хлеба сухари и складываем их в большие жестяные бочки. Приносят сухари и сотрудники из дома. Зато у нас всегда есть свежая крольчатина, а наш огород и теплица обеспечены навозом. А главное — дети осознают взаимосвязь в природе, целесообразность своих дел, привыкают к рачительности, бережливости…

Требуется срочно подписать документы. Я иду в кабинет, а когда возвращаюсь, застаю Олега на сеновале. Вместе с неугомонным Сергеем они прибивают крышку люка. На полу сарая валяется разбитый плафон, поблескивают осколки оконного стекла. Каждому хотелось сделать по-своему — вот и результат! Однако инициативу наказывать нельзя. Да и можно ли юирмать радость созидания? Помогаю убрать осколки п-лафоигц. а стекла предлагаю вставить самостоятельно. Работы прибавилось, но зато расширились возможности для общения.

А в это время на детскую площадку потянулись малыши. В руках лопаточки, совочки, ведерки, формочки для песка,

игрушки. Так и хочется сказать: «Дети пошли на прогулку». Нет, это не прогулка. Это очень важная деятельность, дающая новые впечатления, развивающая координацию движений, закрепляющая навыки ориентирования в окружающей обстановке, обогащающая опытом общения, еще один шаг к самостоятельности. В жизни детдома нет мелочей. Все должно быть подчинено единой педагогической цели.

Вот малыш в очках с грохотом перетаскивает через порог сарая педальную автомашину и, важно усевшись, выруливает на асфальт. Сам! За ним движется целая кавалькада автомашин и трехколесных велосипедов.

Оксана бежит в швейную мастерскую, а я с мальчиками отправляюсь в столярную. Столярной она называется по традиции. На самом же деле в ней теперь стоит еще сборочное и штамповочное оборудование.

Олег забегает вперед, мы с Юрой идем рядом. Он касается ботинком бордюра дорожки, а левую руку положил мне на плечо. Крупные гроздья черноплодной рябины склонились и покачиваются над асфальтом. По обе стороны дорожки всеми цветами радуги полыхают осенние цветы. В ладошке листа настурции — большая капля росы. Легкий ветерок колышет лист, капля дрожит и переливается. В ней смешались голубизна неба, зелень листа и золото солнца. От этого она бирюзового цвета ‘.iiTUtSUbiˆ

Так вот почему море бирюзовое, вспыхивает догадка: небо, водоросли и солнце придают ему такой цвет. Капля и море — как они схожи!

Юра недоумевает, почему я остановился, и нетерпеливо теребит меня за плечо. А я стою, завороженный каплей. Как передать эту красоту Юре? Если дотронуться до капли, живая капля умрет и останется только ее холодный влажный след на кончике пальца.

Есть выход! Ведь капля и море так схожи! Значит, можно эту красоту ощутить всем телом через ласку волны, тепло солнечных лучей, запах и движение водорослей. Можно, конечно, звучит во мне нота скепсиса, но, ощутив все в отдельности, не воспримешь феномен их слияния в едином гармоничном явлении, неповторимом цвете, неуловимой для осязания форме.

Сознание услужливо подсовывает утешительную мысль: стоит ли разыгрывать трагедию, если миллионы зрячих ежедневно, ежечасно смотрят и не видят окружающей их красоты? Сколько людей, прошедших мимо, не увидели эту каплю и отраженного в ней неба. Они и само небо видят не каждый день. И ничего!

Нет, это не утешение. Но в то же время Юра острее воспринимает другие стороны явлений. Я вижу блеск воды, ее цвет, слышу шум прибоя, но от моего внимания ускользает запах моря, движение струящегося по ноге песка, шевеление водорослей, касающихся погруженного в волны тела, дуновение легкого нагретого солнцем ветерка, сотрясение дна от ударов прибоя. Слияние этих компонентов тоже дает целостное представление о явлении, мне недоступное. Зрение и слух подавляют другие чувства. Разве не закрываем мы глаза, когда хотим сосредоточиться или полностью отдаться гармонии иных чувств?

Очевидно, нужно учиться создавать целостные образы доступными воспитанникам способами восприятия мира, ощущать себя и окружающее в их положении. Это позволит осмыслить отношение детей к различным явлениям жизни, найти дополнительные средства обогащения их чувственного опыта…

Мы входим в мастерскую. У верстаков мальчики 12 лет усердно пилят, колотят, строгают, клеят. В итоге получаются кормушки, полочки, цветочные ящички, ящики для рассады, скворечники… В углу дожидаются ремонта стулья, тумбочки и прочая мебель.

Олег уже за штамповочным станком. Поворот рычага вправо — и готова пружина булавки. Толчок рукоятки вниз — на пружине крепко запрессована головка.

Юра садится за электроотвертку. Быстро мелькают его пальцы. Мастерскую наполняет гул мотора.

Юра поступил в детский дом в четырнадцатилетнем возрасте. У него полная слепота и тугоухость в тяжелой степени. Но если Юре громко кричать в ухо, то он что-то услышит, о чем-то догадается по ситуации. Однако гораздо проще общаться с ним дактильно. Юра немного говорит, но словарный запас его крайне, ограничен, а речь невнятная. К ней надо привыкнуть. Поэтому Юра иногда дублирует свою речь на пальцах. Мальчик отличается трудолюбием и многое умеет делать сам. Его родители, простые, но дальновидные люди, еще дома снабдили ребенка инструментами, и он по заданию отца мастерил нехитрые поделки. Юра помогал родителям по хозяйству, перенимал движения рук, занятых трудом…

Я оставляю ребят с инструктором по труду Виктором Сергеевичем. Дети его боготворят. Объяснение тому — руки, которые могут делать все. Язык умелых рук понятен любому ребенку. Этими руками делаются игрушки, излечиваются велосипедики и школьная мебель, осуществляются многие мальчишеские надежды.

Виктор Сергеевич всегда доброжелателен, спокоен, выдержан. Я люблю встречать его, идущего на работу, во дворе детдома. Энергичное рукопожатие Виктора Сергеевича словно вселяет уверенность: все будет хорошо!

Эту уверенность я стараюсь передать воспитанникам через такое же крепкое рукопожатие. Рукопожатие! Казалось бы, мелочь. Пожал руку мимоходом, прошел, и следа от него не осталось. Нет! Очень важно вкладывать в него чувство ободрения и поддержки. Рукопожатие воспитателя и воспитанника для нас — один из путей передачи духовной силы, энергии, дружеского участия.

Иду в кабинет. В маленьком вестибюле толпятся воспитанники. Значит, сегодняшняя почта уже на столе. Ждут моего появления. Гурьбой идут за мной следом. Сажусь за стол, рассматриваю конверты. Напряжение нарастает. Кто-то проталкивается вперед, кто-то тянет руку. Наконец последнее письмо переходит к самому нетерпеливому. И детей как ветром сдуло! Только топот по лестнице и редкие отрывистые возгласы радости долетают до кабинета.

Письма… Можно ли пройти мимо столь эмоционально богатой стороны жизни воспитанников? Как хочется прочитать письмо, понять каждое слово! И скорее написать ответ, иначе не жди быстрых вестей из дому. Каждый прочитывает эти листочки от начала до конца по нескольку раз. Бегает с ними по детдому, делясь своей радостью и семейными новостями. Письмо от мамы совсем не то, что книжка, в которой много непонятных слов, далеких от повседневного опыта ребенка. В мамином письме все знакомое и близкое. Ребенку невдомек, что это одна из находок нашей педагогики: так выращивается потребность в чтении. Каждому родителю мы предлагаем почаще писать письма, постепенно усложняя и разнообразя тематику. Эпизод, заимствованный из книжки и слегка адаптированный, но как будто бы случившийся с домашней Жучкой, читается ребенком куда с большим интересом, нежели в книжке.

А как хочется порадовать родных своими успехами! Дети всегда пишут о себе лучше, чем они есть на самом деле: не будешь же огорчать маму. Поэтому каждое их письмо — это и перспектива развития, ближайший рубеж нравственного роста, к которому нужно подтягиваться. Письма — это и самосознание, и самосовершенствование, общение и уединение.

Забегает Света Г. С порога выкидывает вперед руку: спрашивает, буду ли я обедать. Света ежедневно записывает желающих воспользоваться нашей кухней. Я утвердительно киваю головой. После обеда она пойдет собирать деньги с обедавших.

Света знает, что мои деньги лежат на столе в кабинете. В мое отсутствие она сама отсчитывает необходимую сумму. Мелочь. Но она укрепляет доверие.

Выхожу из кабинета и поднимаюсь на второй этаж по застланным ковровой дорожкой мраморным ступенькам. В коридоре тихо: заканчивается последний урок. Но тишина не та, что в обычной школе. В ближайшем классе стрекочет печатная машинка, лязгают клавиши брайлевской. На ней выпуклым шрифтом ученики печатают упражнения. Из технического кабинета слышится трескотня комплекта брайлевских строк. С помощью этого уникального устройства проводится фронтальная работа с группами слепоглухонемых. С разных сторон доносятся невнятные возгласы. Не слышно лишь речи учителя.

Одна из дверей приоткрыта. Лес поднятых рук с шевелящимися пальцами. Идет беззвучный разговор. В классе три группы. Но никто друг другу не мешает. Полированные однотумбовые столы в каждой группе образуют букву П. В пространстве между столами сидят педагоги. При таком расположении столов можно сомкнуть руки в дактильном общении с каждым из трех учеников.

Мягко зашелестели лопасти вентиляторов. Их включило автоматическое устройство, в памяти которого заложен режим дня. Поток воздуха зашевелил вихры: урок окончен. Сломя голову понеслись вниз мальчишки. Чинно шествуют к лестнице первоклассницы. По помещению разносится запах ананасов — сигнал на обед. Это опять сработала автоматическая полисенсорная сигнализация, распыляя в воздухе пахучий аэрозоль.

Обед для нас — продолжение учебного и воспитательного процесса. Вот рука Феди разыскивает на столе стакан чаю. Ребенок поступил в детдом из Башкирии: он очень любит чай, предпочитая его другим напиткам. Воспитатель перехватывает руку мальчика и дактилирует ему в ладонь слово «чай». Федя застывает на секунду. Воспитатель берет другую руку малыша и пытается сложить его пальчики в дактильное слово. Федор склоняет голову набок, словно прислушиваясь, но усилий к совместному действию не прилагает. Воспитатель снова и снова складывает непослушные пальчики ребенка в короткое слово, губы воспитателя в отчаянии беззвучно шепчут: «Чай, чай». Наконец, пальчики малыша напряглись и буква «и» венчает совместные усилия. В руках счастливого Федора желанный напиток. А может, и не было усилий ребенка? Может, воспитателю, страстно желающему успеха, это только показалось? Сколько усилий придется еще приложить, пока результат будет

очевиден!

А кто бы мог подумать, что такой строптивой может быть обычная столовая ложка? За соседним столом идет упорная борьба малыша с этой помехой, вложенной ему в руку. Ведь куда легче хватать пищу руками. Но педагог неумолим. Он сжимает правую руку ребенка с зажатой в ней ложкой и побуждает его к активности. Но сообразительный малыш, нащупав в тарелке пищу левой рукой, ею же стремительно отправляет еду в рот.

Успех в этом деле приходит далеко не сразу. Подсчитано: чтобы научить слепоглухонемого ребенка пользоваться ложкой, педагог должен сделать его рукой около 30 тысяч движений!

Вот Мишенька, чем не рационализатор! Вместо выполнения сложного вращательно-поступательного движения ложки в тарелке он левой рукой норовит наполнить ложку, а затем уже с помощью педагога препроводить ее в рот. И все-таки здесь основные трудности позади. Главное — ребенок уже научился прилагать собственные усилия в совместном с педагогом действии. Теперь важно лишь закрепить и распространить эту с таким трудом вызванную активность на другие действия, прежде всего связанные с удовлетворением естественных потребностей. Эта сфера деятельности доступнее пониманию ребенка. Но и здесь победы так тяжело достаются, что воспитатель помнит каждую ступеньку восхождения ребенка к человеку и любит рассказывать о сообразительности своего питомца, о его забавных выходках и проказах.

На столах все меньше посуды. Каждый относит ее на мойку, самым младшим помогают старшие товарищи — дежурные. Они же вытирают тряпками столы.

Наступает тихий час — период страданий и попыток самоутверждения. Все «становятся» взрослыми, и никому не хочется ложиться в кровать. И вот оно — непослушание. Начинается с характерного категорического жеста: ребром ладони по горлу — «Не хочу! Не хочу!», а затем следуют обычные детские слезы. Приходится идти на нарушение режима. Спрашиваю наиболее стойких в своих притязаниях: «Что вы хотите делать?» Конечно, у мальчишек дел невпроворот: в домике остались недоделанными полки, два окна не законопачены на зиму. Кто-то подсказывает, что в сарае оборвалась веревка, на которой висят овсяные снопики. Вспоминают, что у Бимки подрастает щенок и что в детском гараже стоят автомашины и велосипедики. Нет, так не годится! Есть дело для всех, нужны добровольцы. А уж потом каждый займется своим.

Вывожу счастливцев во двор, и, надев рукавицы, мы присоединяемся к старшим, которые вместе с нашими шефами

перетаскивают на носилках и складывают в аккуратные стопки празднично красные кирпичи. В ход пошли тачки, тележки. Суматоха, беготня, смех и веселье! Дорвались!

Нет у нас естественных стимулов к труду, вытекающих из условий жизни ребенка. Всегда он вовремя накормлен, одет, обут. Сложно эти стимулы изыскивать в современной обеспеченной жизни. Но их надо искать, чтобы воспитать в детях повседневную потребность в труде.

Для старших после обеда — свободное время. Но оно также не свободно от деятельности. Каждый должен иметь любимое занятие. Нет его — сотрудничай, с тем, у кого такое занятие есть. Учись любить труд.

Мальчики потянулись в «Сережин домик». Лена Б. несет в большой консервной банке кости собакам. Огонек встречает ее нетерпеливым лаем и кидается грудью на стенку вольера. Бимка путается в ногах, мешая идти. Кролики сердито стучат задними лапами о деревянную решетку клеток.

Через весь двор преследует Рыську чужой огромный кот. У нас прозвали его Кривым. Лицо хозяина Рыськи обращено в сторону события, но он безучастен к драматическому положению своего подопечного. Юра не видит грозящей коту опасности. Кошачья интуиция подсказывает Рыське единственный выход — он кидается в ноги хозяину. Юра вздрагивает, нагибается, гладит кота. Преследование прерывается.

Из парадного выбежали старшеклассницы с книжками в руках и устремились под ветки боярышника на садовый диван.

Под яблоней присел на бревно Витя К. На коленях — транзисторный приемник. Невидящие глаза слегка прикрыты, рука лежит на передней панели, лицо задумчивое: слушает музыку. Это только непосвященным может показаться странным. Но что тут удивительного? По вибрации можно воспринимать ритм, темп, силу и высоту звучания. Очевидно, в этом тоже есть своя гармония. А если еще потренироваться? Мы избалованы зрением и слухом — вот и пренебрегаем вибрационными ощущениями. И зря! Наша кожа может дать нам массу дополнительной информации о богатстве и разнообразии окружающей жизни.

Подходит время полдника. Ребята забегают в столовую и быстро возвращаются к прерванным занятиям.

Откуда-то доносятся звуки гитары. Это Радж выпросил инструмент у наших друзей — московских шефов и воображает себя настоящим цыганским музыкантом.

Автоматика неумолима: потоки воздуха от вентиляторов, вспышки софитов — сигнал к началу вечерних занятий. Старшие

расходятся по классам, младшие усаживаются в групповых комнатах. Теперь до ужина.

К семи вечера уже темнеет. В сарае зажигается электричество. Цесарки пробегают цепочкой через двор и одна за другой исчезают в светящемся пятне лаза. Животных надо загонять на ночлег. На собачьем поводке Радж ведет Катьку в сарай. Катька срывает по пути травинки и натягивает поводок. Радж нагибается, ощупывает скулы жующей овцы и чему-то улыбается.

Клушка никак не может собрать свой выводок в облюбованный ею ящик из-под печенья. Вова помогает ей, выставив ладонь с овсом и присвистывая в свисток. Вовсе не обязательно подманивать кур традиционным «цып-цып», кошку — «кис-кис». Все животные отлично реагируют на свист, который они слышат с более далекого расстояния.

Ребята с воспитателями остаются еще на улице. Я иду в кабинет. Мысленно перебираю события дня. В дверях появляется Мария Георгиевна, воспитательница Раджа. По выражению ее лица я догадываюсь: что-то случилось. Первая же фраза подтверждает мое предположение.

— Альвин Валентинович! Не хотела вас огорчать…

— Что случилось? — вырывается у меня.

— Да не знаю, как и сказать.

— Успокойтесь, говорите как получится, — намеренно тихо произношу я, мобилизуя собственную волю.

— Позавчера Радж опять трюк выкинул, да я все не решалась вам рассказать…

Встретив мой нетерпеливый взгляд, она продолжает Скороговоркой:

— Стоило мне на минуту отойти за наглядным пособием, он такое натворил…

— Да не тяните же! — взмолился я. В голове у меня проносились всевозможные варианты Раджиных проделок и бед.

— Уши проколол, — выдыхает воспитательница.

— Кому?

— Себе!

— Зачем?

— Сережки повесил.

— Сережки? — переспрашиваю я, замечая, что мое изумление доставляет ей удовольствие. Теперь, когда все страхи для нее позади, она в душе гордится своим неугомонным питомцем.

— Ну, не сережки, а булавки. Взял в мастерской да прямо на уроке и проколол уши. Глянула на него, да так и обомлела! Он сидит довольный, и булавки с двух сторон из ушей торчат. Я ему: что ж ты сделал? А он улыбается лучезарно и жестом показывает,

— мол, как у тебя, одинаково

Только теперь я замечаю в ушах Марии Георгиевны красивые сережки и поражаюсь еще больше. Из нас двоих Радж первый их «увидел»!

— И что же вы сделали?

— Он сам булавки из ушей вытащил, я его в медпункт отвела. Там ему проколы обработали. Вот и все. Когда в класс вернулись, он мне такое сказал… Смешной!

— Что же?

— Ты, говорит, Мария, — трус, как заяц.

— Давайте-ка его сюда.

Через несколько минут в сопровождении Марии Георгиевны появляется встревоженный Радж. Он нащупывает стол и тянет к директорскому месту повернутую ладошкой вниз правую руку. Его рука встречает мои пальцы. Действительно, в мочках ушей виднеются красные точки, которые я не заметил утром. «Так вот почему он ко мне подлизывался со своими шуточками», — мелькает у меня догадка.

— Ты зачем уши проколол? Радж пожимает плечами.

— Ты же умереть мог! Булавки-то грязные! Радж молчит.

— Больно было?

— Нет, — выдавливает он голосом.

— Совсем?

— Чуть-чуть, — показывает он жестом.

Поддаю ему под зад ладонью. Облегченно улыбаясь, Радж удаляется. Вот ведь сила подражания!

Со двора доносятся дребезжащие звуки. Это Миша Н. вставляет стекла в сарае.

Родители привезли двенадцатилетнего Мишу из глухой удмуртской деревни, оставили в детдоме и забыли о нем. Миша — глухонемой. А видит чуть-чуть только левым глазом, узкий зрачок которого непрерывно дрожит. Правого глаза нет совсем. Навыки общения у Миши отсутствовали полностью. Если ему нужен был какой-нибудь предмет, Миша хаотически размахивал руками, подпрыгивал, тряс головой, издавал гортанные звуки, а затем направлялся в сторону привлекшего его внимание объекта, оглядываясь и поджидая ведомого. Эти особенности Мишиного поведения настораживали незнакомых людей, заставляя их держаться от него на почтительном расстоянии.

Умственное и языковое развитие Миши продвигалось с необычайным трудом. Он и на занятиях весь дергался, тряс головой, отвлекался, а дрожащие пальцы не складывались в буквы.

Было, однако, замечено, что у Миши есть увлечение —

столярное дело. Решено было снабдить его инструментом, материалами и выделить место под личную мастерскую. С любимым делом пошло быстрее и языковое развитие. Миша по собственной инициативе, насколько позволяло ему остаточное зрение, рисовал на бумаге требующиеся ему инструменты и отдавал рисованную заявку завхозу, сопровождая ее оживленной жестикуляцией. По несовершенным Мишиным рисункам не сразу можно было расшифровать его желания. Но как только это удавалось, рисунок обводили жирной контурной линией и сопровождали надписью, соответствующей изображенному инструменту. Затем Миша усердно воспроизводил на пальцах название, пока не запоминал. Его просьбу удовлетворяли незамедлительно.

Желающих воспользоваться. Мишиными услугами становилось все больше: кому ящик посылочный сколотить, кому замок или стекло вставить, а то и просто гвоздь забить. Мишины познания в языке от такого общения пополнялись, столярное искусство совершенствовалось. Он научился читать простенькие чертежи, пояснения к ним и письменные просьбы, адресованные к нему.

Михаил уже пять лет работает на конвейере учебно-производственного предприятия Всероссийского общества слепых. Он сборщик телевизионных плат. В свободное от работы время Миша торопится в детдом. У него и сейчас есть своя мастерская, где он может заниматься столярным делом, оказывая существенную помощь нашему хозяйству. Появляясь в детдоме, он прежде всего изучает все изменения во дворе, бродит, поглаживая углы, стены, головы детей и животных, вглядывается в солнечные диски подсолнухов.

На редкость радостное растение — подсолнух. Любят его добрые чудаки да дети. Может быть, поэтому кто-то таинственный каждый год высеивает семечки по всему нашему двору.

Перед уходом домой обхожу двор и ловлю себя на мысли, что уходить не хочется. Сажусь на скамейку.

Теперь жизнь в детдоме устоялась, сложился дружный, творческий коллектив воспитателей. Но было время, когда всякие поиски вызывали непонимание и противодействие.

Так было с внедрением технических средств. Большую помощь в этом деле нам оказали бывший заведующий лабораторией изучения и обучения слепоглухонемых НИИ дефектологии АПН СССР А. И. Мещеряков, инженер детского дома В. В. Лебедев. Однако трудно было надеяться на успех нашей затеи, не имея единомышленников среди основной массы

сотрудников. Горячими сторонниками идеи стали педагоги В. С. Гусева, А. Ф. Белова, З. А. Бочарова, М. Г. Маркова, Р. А. Леонова, Н. И. Шилобреева и некоторые другие. Однако большинство учителей и воспитателей отнеслись к техническим нововведениям настороженно.

Наиболее активными нашими помощниками оказались старшеклассники, кровно заинтересованные в оснащении детдома техническими средствами, облегчающими общение и процесс учения. Они помогали составлять и проверять программы, с удовольствием участвовали в испытании опытных образцов машин, вели протоколы испытаний, писали отзывы и даже ездили со мной в командировки.

Некоторые технические средства требовали от учителей навыков машинописи. Хотя и не без ропота, но педагоги взялись за изучение этой премудрости. С овладением машинописью использование технических средств уже не представляло труда.

Вначале сопротивление вызвало и введение общественно полезного труда. На педсоветах, партийных и профсоюзных собраниях мы упорно возвращались к одной и той же теме: слепоглухонемым трудовое воспитание еще более необходимо, чем обычным детям.

Особенно было трудно переориентировать на разностороннюю воспитательную деятельность учителей, пришедших к нам из массовой школы. Недовольство исходило, как правило, от тех, кто застыл в своих представлениях об учителе, сузил их до обязанностей урокодателя, а предложения работать руками воспринимал как попытки администрации принизить роль учителя, подорвать престиж профессии.

— Мы не для того в институте учились, чтобы кроликов разводить, — раздавались голоса недовольных. Некоторые ссылались на медицинские противопоказания воспитанников.

С первыми я соглашался, отвечая, что заставлять педагогов чистить клетки недопустимо и противозаконно, но тут же добавлял, что никто не снимает с них ответственности за развитие детей, формирование у них трудовых навыков и умений.

Сомнения других были развеяны медиками, установившими строгие индивидуальные физические нагрузки для каждого ребенка с перечнем видов труда, которые он может выполнять.

Однако самым убедительным аргументом стало благотворное воздействие труда на развитие наших детей, опыт педагогов Л. М. Курановой, А. И. Орловой, А. Д. Бахтиной, сделавших целенаправленную конкретную деятельность воспитанников своим главным союзником в их воспитании и обучении.

Создание при многих детских домах страны подсобных

хозяйств и опыт их работы еще более укрепили позиции сторонников трудового воспитания слепоглухонемых. Время подтвердило, что труд для них — незаменимое средство познания себя и мира, самый рациональный и действенный путь их развития. Конечно, труд целенаправленный и правильно организованный. Убежден, что психика не может возникнуть, пока ребенок не начнет своими руками осваивать внешний мир, преобразуя его для себя, для своих потребностей.

Много новых трудных проблем появляется у нас в связи с взрослением наших детей. Одним из важных и сложных аспектов социализации слепоглухонемых является половое воспитание. Их языковое и умственное развитие отстает от физиологического и физического. Между тем половое воспитание должно быть актуальным, отвечающим возрастным потребностям воспитанников. Выход из этого противоречивого положения по-видимому, в правильном, доступном пониманию детей толковании естественных ситуаций, с которыми они неизбежно сталкиваются и которые вызывают их интерес. В то же время не следует и заострять их внимания на половых различиях, сексуальных вопросах.

Обнаружив у собаки или козленка атрибуты пола и проведя аналогию со строением собственного тела, слепоглухонемые дети обычно задают вопрос воспитателю: «Что это?», сопровождая его жестом «одинаково». В этом случае нужно сообщить им лишь правильное название данного органа, не вдаваясь в подробности и не раскрывая его половых функций. Не надо пугаться таких вопросов и обманывать слепоглухонемых детей. Рано или поздно все равно придется отказаться от благовидного вымысла и дать правильное название органа. Обманывать не надо еще и потому, что уже в период коллективного самообслуживания при активном общении детей распространение среди них новых сведений из интересующей их сферы происходит молниеносно.

Все они при обмане одного из них вводятся в заблуждение и, усомнившись в истинности сведений, данных педагогом, начинают выяснять свои сомнения у более старших ребят, способных дать как раз такие толкования, которых хотел избежать педагог.

Так, на вопрос Юры Т., обнаружившего при мытье у козленка половой член, растерявшаяся воспитательница ответила, что это вымя. На следующий день можно было наблюдать, как группа слепоглухонемых детей ощупывала животных, имеющихся в детском доме, включая индюков и кур. Они отыскивали у каждого «вымя», пока более взрослые слабовидящие глухонемые воспитанники не остановили их и не растолковали им в

прямолинейных выражениях, что это вовсе не то, что они разыскивают, и что руками ощупывать эти места стыдно. Это, естественно, еще больше разожгло их любопытство и подорвало авторитет воспитательницы в их глазах. Ей стоило большого труда найти выход из создавшейся ситуации.

Вместе с тем своевременное выявление сексуальных интересов и устремлений воспитанников, доступное и правильное объяснение им различных вопросов о половой сфере, переключение внимания и энергии на активные занятия учебой, трудом, спортом позволяют снизить их сексуальную озабоченность, предотвратить чрезмерный интерес слепоглухонемых к половым отношениям.

Правильные половые представления, так же как и вся человеческая психика, социально обусловлены. Без специального воспитания эти представления слепоглухонемых неизбежно будут носить искаженный характер. При разумном половом воспитании в социально благоприятных условиях отношения между слепоглухонемыми могут быть нормальными, общепринятыми.

И здесь так важно становление и развитие всей гаммы человеческих чувств ребенка, чуткость и внимание к его душевному состоянию, переживаниям.

Воспитательное влияние на ребят в детском доме оказывают не только педагоги. Воспитывает своей добротой и отзывчивостью повар тетя Полина, чистотой и строгостью санитарка тетя Рая, любовью к технике и пунктуальностью шофер дядя Саша. Особая дружба у ребят с кочегарами. У них есть своя резиденция в бытовке, и к ним можно ходить в гости. Дядя Коля имеет в запасе сладости, но и лопату не забудет предложить, чтобы снег вокруг кучи угля раскидать. А с дядей Славой можно отвести душу, доверить свои сомнения, обсудить то, что волнует.

Пятнадцатилетний Радж, сидя на садовой скамейке между двумя воспитательницами, обращается к незамужней Вере Дмитриевне:

— Почему у вас нет детей?

— Потому что у меня нет мужа, — следует ответ.

— Вы не можете делать детей, а муж может? А как муж делает детей?

— Я не знаю.

Неудовлетворенный Радж обращается к воспитательнице Марии Григорьевне, имеющей взрослых детей:

— А вы знаете, как делают детей? Почувствовав колебания воспитательницы, Радж не выдерживает затянувшейся паузы и заключает:

— Нет, вы старая, вы забыли, как делают детей. Вот приедет с

каникул Сережа С., он знает.

К счастью, приезда Сережи С. ждать не пришлось. С Раджем как мужчина с мужчиной поговорил дядя Слава, которому нетерпеливый воспитанник задал свои вопросы, оставшиеся без ответа у женщин.

Неформальные отношения >— ным, добпп-^—

па'ь их довеоир Ачеловеком ™ ‘ начитан-ченным явлением ? едстав™ются ^е У ВШИМ зав < *-

S^SSL? Ч •Й??.И1- И ,ег «_

сосед, на двух ставках работает. А этот…» — недоумевают обыватели.

Это только формально Вячеслав Иванович — кочегар. На самом же деле он философ. И влечет его в детский дом не зарплата кочегара, а возможность удовлетворять свою пытливость, найти ответ на волнующую его проблему: что есть человек? Бытовку Вячеслав Иванович превратил в филиал библиотеки и завалил ее философской и педагогической литературой, которую помимо него самого читают учителя, шефы-студенты, того и гляди начнут читать воспитанники.

Беседовать с Вячеславом Ивановичем — наслаждение. Не торопясь, обдумывая каждую фразу, высказывает он свои выношенные и выверенные жизнью мысли. Вячеслав Иванович смотрит в корень: где найдешь решение проблемы человеческой сущности, если не в общении с теми, кто медленно, шаг за шагом идет к человеку. А натолкнул его на эти поиски журнал «Вопросы философии», в котором приводились высказывания академика А. Н. Леонтьева о работе со слепоглухонемыми. «Особенности рассматриваемого нами эксперимента, — сказал академик, — заключаются в том, что он создает условия, в которых делаются зримыми — мне хочется сказать, даже осязаемыми и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъемки — узловые события процесса формирования личности, становления (подумать только!) человеческого сознания, условия, которые открывают как бы окно в самые сокровенные глубины его природы». Так что есть зачем ездить Вячеславу Ивановичу в Загорск, да и всем ищущим тоже.

Диалоги с непосвященными

— Рискованно демонстрировать патологию на экране неподготовленному зрителю, можно вызвать неприязнь к этой тематике, — говорю я своим новым знакомым-кинематографистам, приехавшим снимать фильм о нашем детдоме. — Тут нужно глубокое проникновение в тему и большое искусство. Были уже попытки, но кончились они неудачей. Да и у меня есть опыт съемки и демонстрации любительских фильмов о жизни детдома, своя точка зрения на проблему. Хотите послушать?

Мои собеседники дружно кивают головами.

— Эта точка зрения сводится к следующему. Фильм должен быть цветным, чтобы зрители не восприняли наших детей как неких монстров, как серые тени во мраке тьмы и безмолвия. Надо дать на экране больше света, солнца, движений, показать общение ребят со сверстниками, природой, животными, поймать в объектив улыбки. Словом, все стороны, всю полноту реальной жизни наших воспитанников с их деятельностью, взаимоотношениями, переживаниями. И самое главное, фильм должен предоставить зрителю возможность проследить динамику развития детей, процесс преодоления их дефектов, становления человека. Природа ограничила лишь каналы связи наших детей с окружающим миром, но не возможности его познания. В этом — оптимизм нашего труда. Прокрутим мысленно будущую пленку.

Вот только что привезли пятилетнего малыша. Мир для него пуст и беспредметен. Он даже не может отграничить ощущения, обрушивающиеся на него извне, от тех, которые поступают изнутри, от внутренних органов Он задавлен этим хаосом ощущений. В то же время организм ребенка требует расхода скапливающейся в нем биоэнергии. Однако ребенок не способен использовать ее па целенаправленные действия. Ведь для этого нужно видеть и слышать, что и как делают окружающие. И сидит такой ребенок в кроватке, раскачиваясь, словно маятник, снижая таким образом биоэнергетический потенциал. Родители после многих тщетных попыток помочь ребенку совсем уж было разуверились в возможности вывести его из этого вегетативного состояния. Да вот люди добрые подсказали, что есть такой детдом.

Мелькают воображаемые кадры. В руках ребенка — ложка. Сам он есть не может, движение его руки направляет воспитатель. А потом уже ребенок сам тянет в рот ложку, самостоятельно пьет из чашки. Еще кадры. Ребенок взял в руки детскую лопаточку, и

опять движение его рук контролирует воспитатель. Вот он ухаживает за кроликами — руки воспитателя рядом. Складывает пальчики в первое усвоенное им слово. Печатает это слово на специальной машинке. Читает, ведя пальчиком по строчкам выпуклых букв. Очки появились, в руках обычная книжка, — значит, ребенку удачную операцию сделали, и он способен читать плоские шрифты. А вот и стихи сочиняет, работает в мастерской, занимается спортом, комсомолец, член редколлегии стенгазеты… работает на производстве.

Втайне я не хочу, чтобы эти люди устрашились бездны сложностей, и стараюсь их исподволь подготовить. Но они уже рвутся к подробностям специфики обучения.

— Расскажите нам, пожалуйста, как вы учите их говорить? Как они узнают, что ложка — это ложка, а стул называют стулом? — спрашивает режиссер.

— При полной слепоглухонемоте мы начинаем не с этого, — остужаю я нетерпеливый порыв гостя.— Прежде чем ребенок научится словесной речи, нужно сформировать у него человеческую психику. Иначе получится, что мы учим говорить существо, еще не вышедшее из зоопсихического состояния, попросту говоря дочеловека.

Для того чтобы ребенок стал человеком, ему с самого начала необходимо очеловеченное пространство, т. е. пространство, заполненное предметами обихода, и очеловеченное время — общепринятый режим, ритм жизни. Это важно потому, что человеческий опыт, как мы считаем, накапливается из поколения в поколение не в наших биосистемах, а вне человеческого организма: в опредмеченном, материализованном виде.

Подражая предметным действиям окружают v повседневному поведению, ребенок —ˆnvioT ребенку вещей, усваивает H.*-Asnft демонстрР а бы не

1>4 ~ +. _T>U
РˆР?* испоХвания. ˆлиˆа ˆный опˆ для
3? ~~ r??rir’ ХеГˆ*°№
слепоглухонеми ? возможность лся. цо в
шена какой

ке стояла большая металлическая кастрюля. У стены в неестественной позе замер мальчик. Очевидно, в тот момент он воспринимал по вибрации пола шаги входящих в комнату людей. На вопрос о назначении кастрюли отец молча взял за руку сына и подвел к подоконнику. Наткнувшись на подоконник, ребенок протянул руку, взял кастрюлю и… надел ее на голову. Затем он стал громко кричать и смеяться. По-видимому, резонанс, который

возникал в полости кастрюли, хорошо воспринимался костями черепа. Это-то и развлекало его. Никаких других предметных действий в комнате он совершать не мог.

Причину затворничества ребенка и отсутствие в комнате обстановки родители объяснили тем, что иначе он будет ушибаться, натыкаясь на мебель, бить посуду, портить вещи.

По моей просьбе ребенок был выпущен на свободу. Он довольно резво устремился в соседнюю комнату и сразу же направился к серванту. Открыв доступное его росту нижнее отделение серванта, он стал вытаскивать из него тарелки. Затем уселся на пол и стал их перебирать. Когда это занятие ему наскучило, он ловко вскарабкался на шкаф и стал играть лежащими на нем предметами. За это время он ничего не разбил и не сломал, мы не обнаружили у него синяков и ссадин. Но даже если бы все это имело место, то это была бы мизерная плата за великое счастье психического развития ребенка.

Несмотря на неблагоприятные условия, у ребенка сформировалась элементарная ориентировочная деятельность, и она нуждалась в развитии и закреплении. Но именно этого он не мог получить в пустой комнате. Не удивительно поэтому, что семилетний слепоглухонемой ребенок оставался по психическому развитию на уровне двухгодовалого.

Надо отметить, что человеческая психика — довольно тонкая сфера. Человек, лишенный социальной среды, неизбежно будет деградировать. Так, прототип главного персонажа романа Дефо «Робинзон Крузо»— Александр Селькирк, длительное время проведший на необитаемом острове, а затем оказавшийся в семье, полностью отказался от общения, вырыл в отцовском саду пещеру и провел там остаток жизни. Случаи деградации человеческой психики наблюдаются и при поздней слепоглухонемоте. Правда, пещерой в таких случаях служит кровать, в которой, накрывшись с головой одеялом, годами лежит слепоглухонемой.

Вот описание обследования деградировавшего слепоглухонемого.

Я вытаскиваю из стола папку и читаю вслух:

Обследование слепоглухонемого К. А. Лопухова, 1927 г. рождения, в психиатрической больнице им. Яковенко

Большее время дня Лопухов лежит в кровати, закрывшись одеялом и съежившись, встает только в туалет, не одеваясь и не обуваясь, возвращается снова в постель. Раньше и еду ему давали в постель. Когда подходишь и снимаешь одеяло, то протягивает руки для еды, если ничего не получает, то быстро закрывается одеялом. После наших рекомендаций его стали поднимать и усаживать за стол во время еды. Ест очень жадно, быстро,

обходится без ложки — пьет суп прямо из тарелки, хватает куски мяса руками. Но ест аккуратно, не прольет ни капли и не уронит ни крошки. После еды идет в постель, сам разбирает ее, сам раздевается.

Мы пришли в помещение, когда Лопухов сидел уже за столом и ждал обеда. Это уже пожилой лысый человек. Сидит за столом, низко опустив голову, сильно ссутулившись. Подошли, погладили его по голове и по руке, немного приподнял голову. Взяли его руку (левую, так как правая искалечена), попробовали дать в руку карандаш, показали, как им писать на бумаге. Карандаш не взял, выпустил, рука вялая. Приподняли его руку, попытались написать на ней его имя, но голова по-прежнему поднята и руку не опускает. Стали складывать из его пальцев дактильные буквы, по-прежнему держит руку, не убирает, но подражать каким-то движениям, ощупывать наши руки не пытается. Попытались показать ему жестами — иди, вымой руки, но он не понял нас, пошел и лег в постель. Закрылся одеялом.

По словам лечащего врача, он очень податлив на ласку, любит, когда его гладят по руке, очень любит конфеты. В этом году приезжала в первый раз за все годы мать Лопухова, отказалась смотреть на сына, но рассказала следующее: мальчик оглох только в три года, у него сохранилась речь, хорошо понимал по губам, учился в школе хорошо, много читал, помогал во всем матери, ухаживал за младшей сестрой. После несчастного случая, когда он потерял зрение, мать общалась с ним, рисуя буквы на его ладони. Поведение его было упорядоченно, потом он стал путать день и ночь. Мать отдала его в психиатрическую больницу…

— Вот мы говорим «человеческая психика». Но все-таки, что это такое? — спрашивает режиссер. — Сдается мне, что под этим термином кроются различные понятия, например темперамент, а порой что-то совсем расплывчатое, неуловимое. Вы же, как я понял, беретесь искусственно формировать человеческую психику, не имея четкого определения этого явления. Не получается ли у вас, как в известной притче, в которой делают то, не зная что?

— Вы попали в наше больное место. Действительно, однозначного ответа на этот вопрос в науке пока нет.

Но мы-то заняты конкретным делом, и для нас этот вопрос требовал безотлагательного решения. Вот и пришлось, учитывая опыт работы со слепоглухонемыми, самостоятельно разрабатывать формулировку этого понятия. При этом мы не касались энергетической стороны проблемы, динамики психических процессов. Для нас, практиков, важно было

определить это явление по содержанию и происхождению. В своей деятельности мы исходим из того, что человеческая психика — это прижизненное образование, основанное на способности мыслящего тела усваивать, присваивать и адекватно использовать социально обусловленный опыт.

Мы, конечно, не ручаемся за точность определения, но пользу оно нам принесло. Во всяком случае эта рабочая формула около десятка лет помогает нам концентрировать усилия на конкретных задачах и мобилизует педагогическую активность воспитателей, ибо не позволяет оправдывать плохое воспитание и обучение ссылками на фатальность генетических предопределений. Для работы любого педагога, а для тифлосурдопедагога в особенности, важно знать меру и точки приложения педагогических усилий при формировании личности ребенка. Наша формула дает в руки педагога такие ориентиры и возлагает на него ответственность за становление личности ребенка, развитие его способностей и социальную адаптацию.

— Например?

— Так, в современной педагогике чаще всего речь идет о развитии тех или иных черт характера, их исправлении. Но почему не об изначальном формировании в сензитивный период, когда ребенок наиболее восприимчив? Зачем ждать, когда сформируется стихийно какое-нибудь психическое новообразование, чтобы затем его развивать или исправлять? Не лучше ли изначально целенаправленно его сформировать и влить в русло определенной развивающей деятельности? Мы переносим акцент не на развитие и исправление психических новообразований, а на их изначальное формирование.

— Неужели вам удается учесть и сформировать все многообразие проявлений человеческой психики в каждом воспитаннике? Для этого нужна пространная и подробная программа или, по крайней мере, список необходимых новообразований.

— Нет, список не нужен. Есть универсальное средство — развивающая деятельность, которой является постепенно усложняющийся разносторонний труд. Он лежит в основе формирования человеческой психики при слепоглухонемоте. Конечно, и мы не застрахованы от пробелов в воспитании.

— А кто застрахован? — поддержала меня сценарист.

— Вот именно. Правда, недостатки нашего воспитания специфичны и проявляются не в каких-то злонамеренных поступках ребенка, а в поведенческих ошибках, проистекающих от недостаточной осведомленности о том, как должны поступать люди в тех или иных случаях. Так, скажем, будучи уже взрослым,

восемнадцатилетним парнем, Федор мог остановиться на многолюдной улице, расстегнуть брюки и заправить выбившийся подол рубахи. Часто возникают недоразумения из-за домысливания слепоглухонемым деталей событий, которые выпали из восприятия в связи с отсутствием дистантных анализаторов.

Хроническая информационная недостаточность может вызвать у ребенка недоверие к окружающим, мнительность, вздорность, скрытность, если своевременно не принять предупредительных мер.

— Даже у животных есть инстинкты, которые гарантируют им психическое развитие! Выходит, что человека природа обделила?

— Нет, скорее, наоборот. Наделила щедрее, чем весь животный мир. Человека она одарила пластичным мозгом, который способен к беспредельному развитию. Даже лишившись двух основных чувств, человек может развить свою психику.

— Однако есть какой-то изъян в ваших суждениях. Вы утверждаете, что человеческая психика формируется прижизненно. В таком случае, почему не удалось очеловечить Амалу и Камалу — девочек, извлеченных из волчьего логова? Ведь известно, что их воспитанием занимался весьма образованный человек — священник Сингх. Вы, конечно, сошлетесь на отсутствие у него методик, которыми пользуются сейчас.

— Вовсе нет! Я не уверен, что и нам сопутствовала бы удача. Дело в том, что при жизни в условиях джунглей, где каждый неосторожный шаг грозит гибелью, а малейшая нерасторопность — голодом, у девочек выработался и закостенел несложный, но устойчивый поведенческий стереотип. Этот стереотип потому и оказался устойчивым, что был направлен на выживание организма в диких условиях и сформировался в период наилучшего запечатления информации. Поэтому, если со поставить воспитание слепоглухонемых с очеловечиванием Амалы и Камалы, то первое окажется несравненно легче, хотя у наших воспитанников отсутствуют зрение и слух. Ведь у слепоглухонемого ребенка не вырабатывается устойчивый стереотип звериного поведения: ему не надо заботиться о пропитании, нет у него в семье врагов. Поэтому в случае со слепоглухонемыми отсутствует необходимость устранять нечеловеческие формы поведения.

— Выходит, что легенда о сотворении Рима Ромулом и Ремом, вскормленными волчицей, лишена реальной основы?

— Совершенно верно. Так же как красивая сказка о Маугли.

— Значит ли это, что ребенка можно сделать кем угодно,

заранее составив программу его развития?

— Работа со слепоглухонемыми показывает, что жестко запрограммированное развитие можно осуществлять лишь на раннем этапе формирования человеческой психики. С усвоением навыков ориентировочно-исследовательской деятельности слепоглухонемой ребенок начинает получать собственные впечатления об окружающем мире, опираюсь на осязание и обоняние, и вносит коррективы в реализуемую программу. С течением времени ребенок превращается из объекта в субъект воспитания, и уж тогда, не подвергая слепоглухонемого ребенка искусственной изоляции, невозможно осуществить жестко запрограммированного развития его личности.

В отсутствии генетической программы психического развития человека я вижу оптимистическое начало. Разве не радостно осознавать возможность беспредельного развития каждого?

— Ну, тут я с вами хочу поспорить, — вступает в разговор оператор, — если вы утверждаете, что человеческая психика не наследуется, а целиком формируется прижизненно, то чем вы объясните, что при одинаковых условиях жизни развиваются разные люди. Вот, скажем, у меня был друг. Мы вместе с ним росли в деревне, играли в одни и те же игры. Он стал пастухом, а я — художником. Для меня ручей в родной деревне — источник эстетического наслаждения, а он в нем коров поит. Чем же объяснить, что у нас мироощущение разное?

— Дело в том, что разница в воспитании в вас заложена значительно раньше. Ведь вас воспитывали разные матери.

— В деревне нас матери не воспитывали. Мы были предоставлены сами себе, воспитывались на деревенской улице.

— Пусть будет так. Но ваши матери, когда вы еще сами по деревне бегать не могли, по-разному вас грудью кормили, каждая по-своему баюкала и пеленала.

Возьмем и другую сторону вопроса. Ведь каждому из вас передался по наследству свой тип нервной деятельности. Значит, вы не могли одинаково взаимодействовать с окружающей средой. Каждый по-своему откликался на ее изменения. Одного этого достаточно, чтобы у двух детей, воспитывающихся в условно одинаковой среде, формировались разные характеры, различные интересы.

— А как же близнецы?

— Даже при воспитании близнецов характеры могут развиваться разные. Здесь нельзя сбрасывать со счетов микрофакторы. Так, скажем, один ребенок лежит с края кровати, другой — у стены. К одному мать подходит раньше, к другому — чуть позже. Может быть, свет по-разному падает на их лица. Один

ребенок болел в раннем детстве, другой — чуть позже или совсем не болел. Один в восприятии окружающего мира больше опирался на осязание, другой — на обоняние, у третьего зрение стало фиксироваться раньше, чем у двух первых. Но главное, что на этом раннем фоне для одного ребенка становится значимым одно явление, для другого — другое.

Один ребенок разглядел и запомнил цвет глаз или волос матери и узнает мать по этим признакам, другой ощутил ее теплое дыхание, для третьего значимыми становятся звуки материнской речи. По ним он выделяет мать среди других людей, с ними связывает достижение комфортного состояния после того, как приблизившаяся мать прижмет, покормит, приласкает его. Узнавая мать по звукам речи, мелодии колыбельной песни, он и других людей начинает различать по голосу. Звуки природы также становятся предметом его внимания, ведь они создают звуковой фон.

Очевидно, значимость факторов формирует и эталоны, по которым ребенок сверяет и различает другие явления. Может быть, это сопоставление различных явлений с эталонами значимости и есть отправная точка формирования ориентировочной деятельности. Во всяком случае, у полностью слепоглухонемых детей врожденной ориентировочной деятельности, или, иначе говоря, любопытства, не обнаружилось.

Мы провели интересные наблюдения. Оказалось, что у ребенка не всякая новизна вызывает ориентировочно-исследовательскую деятельность. Было установлено, что фактор значимости и черты схожести — вот стимул к такой деятельности. Так, ложка, используемая ребенком для удовлетворения органических нужд, становится для него значимым предметом. А если вместо ложки подложить ему, скажем, гвоздь, то ребенок, лишь коснувшись, не станет его исследовать. Однако предмет, похожий на ложку, вызывает у ребенка активную исследовательскую деятельность. Он сопоставляет его с ранее сформированным образом ложки.

Разное мироощущение, очевидно, ведет свою родословную из раннего детства, от механизма значимостей, завязавшихся из микровзаимодействий ребенка с внешними факторами в процессе раннего развития. Где-то здесь колыбель не только нашего тела, но и наших талантов, способностей, добра и зла, любви и ненависти. Конечно, в течение последующей жизни узелки значимостей испытывают воздействия множества различных факторов, которые либо способствуют их развитию, либо подавляют их.

Вот почему вы с другом такие разные. Почему один черпает

из ручья творческое вдохновение, а другой — воду для коров. Хотя и то и другое полезно.

— Ну, допустим, что ребенок, для которого значимыми были звуки материнского голоса, со временем стал музыкантом, узревший цвет глаз — художником, тот, который стал выделять мать по форме носа, овалу лица, — скульптором.

А вот вы лично руководителем почему стали и когда в вашем мозгу завязался узелок административного таланта?

— Я принимаю ваш шутливый вызов. Порой случается так, что руководит тот, кто сам ни на что не способен. Так вот любой грудной ребенок относится к числу таких руководителей. Ребенок плачет — мать кидается к нему, стараясь понять причину плача, расшифровать его желание, а затем спешит его выполнить. Никому и невдомек, что, не способный к самостоятельному удовлетворению своих желаний, ребенок добивается этого чужими руками. Именно добивается. Он усвоил пользу плача с первых дней рождения, и у него целый арсенал звуковых средств: плач-жалоба, плач-приказ, плач-угроза…

Вот ведь как рано мы учимся руководить! Возможно, отсюда и талант руководителя. Что же касается меня лично, то можно предположить, что я был привередливым ребенком.

Во всяком случае, в плаче скрыта одна необыкновенно важная сторона раннего развития ребенка. Плач — сигнал к общению. Общению предметному. Созерцая действия матери с предметами, ребенок начинает знакомиться с их значением задолго до того, как научится действовать собственными руками. В этот период развитие ребенка, формирование ранних психических образований идет за счет труда взрослого человека, удовлетворяющего его нужды.

— Ну, хорошо. Но вот был у нас один парень. Так он никогда не видел своего отца, погибшего, когда сыну было всего три месяца. А вырос мальчишка — как две капли воды похожий на отца и не только внешне, но и поведением, характером: такой же спокойный, рассудительный. И даже профессию отцовскую выбрал. Отец-то его не воспитывал. Так чем же вы это объясните?

— Вы ставите меня перед необходимостью давать ответы на все случаи жизни. Это довольно трудно. Давайте вместе порассуждаем. Вы говорите о сыне, что он спокойный и рассудительный, как отец. Тем самым вы свидетельствуете о сходстве их темперамента. А это уже основание для относительно идентичного взаимодействия со средой. Кроме того, физические особенности имеют большое значение при формировании поведения каждого человека. Даже мелочи. Скажем, отец был рыжим и сын в густых конопушках. Отсюда и общая для обоих

застенчивость. Это вовсе не значит, что все рыжие застенчивы. Но в деревне с ее злыми детскими дразнилками это не исключено. Так что физическое часто, преломляясь через социальное, влияет на развитие определенных черт характера. И наконец, хотелось бы знать, какое семейное и социальное окружение было у этого ребенка после смерти отца. Как сохраняла мать память о погибшем муже. Наверное, она рассказывала сыну об отце, его трудолюбии, рассудительности. Да ведь и сама

НИИ С
форм
ком < денн>
ря, .г
Л
У ре
НССJ
фак так-кол
ДЛ5
по,
ну по
ел
р;
с

мать могла быть носительницей психических особенностей своего мужа, усвоенных ею в процессе семейной жизни. А бабушка, дедушка. Ну, а знакомые, наконец, друзья отца. Разве они не могли повлиять на выбор ребенком профессии? А может быть, ограниченность профессионального выбора в условиях деревни сыграла решающую роль. Как видите, для анализа развития личности важно знать в подробностях условия, в которых она сформировалась. Здесь нельзя пренебрегать никакими мелочами.

А мы зачастую полностью упускаем ранний период развития ребенка, развития стремительного и многогранного.

Правда, и при достаточном внимании учесть все факторы воздействия на обычного ребенка невозможно. Но это можно сделать при детской слепоглухонемоте и обратить результаты исследования на пользу развития самих слепоглухонемых.

Отсутствие двух важнейших каналов связи слепоглухонемого ребенка с внешним миром позволяет воспитателю, выступающему в роли основного такого канала, вести строгий учет условий возникновения первых психических новообразований. С формирований — развитием ориентиповп— –

_, ~ rˆin ОСНОВНОГО

tcjM строгий учет условий возникновении первых психических новообразований. С формированием, а затем развитием ориентировочно-исследовательской деятельности ребенка у него появляется о -— - ‘ мации Н -—

~ ч/чˆмированием, а зате!.,

f _,.,,,icM ориентировочно-исследовательской деятельности ребенка у него появляется еще один канал информации. Но это не значит, что воспитатель полностью теряет контроль, просто расширяется диапазон наблюдений за ребенком.

— Что вы можете сказать о наследовании, ну, скажем, музыкального дарования? Ведь есть же целые династии музыкантов.

— То же, что и о наследовании любой профессии. Разве мало у нас династий талантливых сталеваров, шахтеров, продавцов?! Только генетика тут ни при чем.

— Вы отрицаете, что генетически передаются музыкальные способности?

— А вы могли бы утверждать, что передаются генетически способности осязательные? Между тем изощренное пальцевое осязание наших ребят сродни таланту. И этот талант можно сформировать у любого человека длительными упражнениями.

Однако я замечаю нетерпение моих собеседников. Понятно: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мы выходим из кабинета навстречу звукам музыки, доносящимся из спортивного зала. Здесь идут занятия ритмикой. В воздухе мелькают флажки: дети, подчиняясь музыкальному ритму, улавливаемому подошвами ног через вибрацию паркетного пола, приседают, нагибаются, выпрямляются, взмахивают руками, маршируют. Четкость и организованность поразительны. Физические упражнения сменяются пением. Да, да, пением. Я вижу изумление на лицах наших гостей. Пока не все идет гладко, но песенку к празднику подготовят и споют дружно под аплодисменты своих мам и пап.

Наш путь лежит мимо библиотеки. Сквозь стеклянную перегородку видны стеллажи с необычайно толстыми книгами. На корешках переплетов знакомые названия: «Как закалялась сталь», «Овод», «Я умею прыгать через лужи», «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир». Классика русской и зарубежной литературы, философия, психология. Названия некоторых книг вызывают недоверчивые вопросы моих спутников. Но я напоминаю о нескольких выпускниках, окончивших МГУ, и все встает на свое место.

На стене коридора красочное панно, выполненное глубоким

выжиганием. На нем — наши животные и предметы хозяйственного обихода. Панно не украшение. Оно служит методическим целям: по нему слепоглухонемые дети учатся сопоставлять знакомые им по личному опыту объемные формы с их контурным изображением. Ведь в будущем им придется осваивать навыки восприятия контурных и рельефных учебных пособий, географических карт, схем, рисунков, да и самим выполнять чертежи на специальном приборе, заполненном мастикой.

А вот и наши младшие. Диагностическая группа. Здесь начинается путь каждого малыша к человеку.

Сквозь занавески разливается по комнате салатный свет. У задних ножек кроватей — детские горшки. Три тумбочки, шкаф для игрушек и пособий. В углу — коврик. На коврике — игрушечная мебель, куклы, машинки. Вблизи кроваток — детские стульчики, на спинках — белье, сложенное в порядке его надевания. Ничего лишнего, случайного.

Малышка, сидя на стуле и задрав ножку, тянет на себя колготки, склонившаяся над ней воспитательница, словно в сказке про репку, тянет малышку за ручки. Конец колготок мотается, ребенок вертит головкой на тоненькой шее, сползает со стульчика. На лбу у воспитательницы испарина.

Взгляды моих спутников безразлично скользят мимо этой сцены. Их внимание приковано к девочке, сидящей на кровати. Девочка качается взад-вперед, изредка прихлопывая в ладоши, невидящие глаза устремлены в белую бесконечность потолка. Я понимаю их: такое зрелище увидишь нечасто. А одевание ребенка? Ну что тут особенного! Кому не приходилось одевать детей? В том-то и дело, что одевать приходилось! Но кто может похвастаться, что приходилось сотрудничать с ними в процессе их одевания? А перед нами как раз этот тончайший и уникальный процесс, в котором педагог вынужден ходить по лезвию бритвы, иначе не видать ему успеха от своей педагогической деятельности. Ведь он не просто одевает ребенка. Он формирует человеческую личность. Да, да, с самого начала, в такой вот примитивной на первый взгляд деятельности происходит важнейшее для всей последующей жизни ребенка завязывание узелков психических новообразований.

Принято в переносном смысле понимать выражение «вложить душу», когда речь идет о творческом отношении к делу. Для нас это выражение имеет смысл буквальный, ибо не божья, а человеческая прерогатива — вкладывать человеческую душу в ребенка, земная, повседневная, окаянная работа воспитателей.

Кто бы мог подумать?! Внешне-то все выглядит обычно! Ну, а

если всмотреться?

Из-под пальцев воспитательницы чуть заметны маленькие пальчики. Вот только потянули колготки — пальчики разжались, резинка вырвалась. Александра Федоровна снова цепляет пальчиками ребенка колготки, слегка придерживает их своими руками, и вновь они тянут колготки вверх к животику. Сколько раз начнут они все с начала?! Но из присутствующих только я да воспитательница знаем, что не колготки натянуть — цель действия. Важно вызвать активность ребенка. Наконец-то действие успешно завершено. Но проклюнулась ли активность? Вот над чем на секунду задумалась воспитательница. Да, на какие-то доли секунды напряглись пальчики, и она, заметив это, поощрительно погладила ручку ребенка, в какой-то момент локотки приподнялись — опять похвала. Но самое главное сегодняшнее достижение — ребенок сам вытянул ножку. А может, это случайно? Сомнениям нет конца.

Опять ручки ребенка в руках воспитательницы. Предстоит надеть рубашку. Легкое движение кистями рук ребенка от плеч до уровня груди — это жест «надень рубашку». И тут же руки ребенка накладываются на спинку стульчика, где висит рубашка. Жест соотнесен с предметом, а теперь его надо соотнести с действием. Ручками ребенка воспитательница цепляет рубашку, и вместе они начинают трудиться. Ручку в сторону, рукав на ручку. Тянут с передышками рукав. Воспитательница бдительно следит за напряжением детской руки. «Недопоможешь» — ребенок встретит непреодолимое препятствие и, не получив подкрепления, перестанет прилагать собственные усилия. «Перепоможешь» — привыкнет, что его обслуживают, и тоже откажется от собственного напряжения. Изматывающая, кропотливая работа, требующая ювелирной точности и всесторонней предусмотрительности. А легким успехом она не балует. И как досадно, что весь предшествующий период, пока ребенок находился в семье, его одевали, обували, опекали, а называлось все это одним словом — жалели. Вот и вызвали устойчивую привычку ребенка к пассивности, создали препятствия на его пути к человеку.

Воспитательница переключается на лежащего в постели мальчика. Взяв его ручку, подбрасывает ладошкой вверх — жест «вставай». Помогает встать и, прикоснувшись к попке, ведет ребенка от изголовья к задней спинке, попутно ощупывая его рукой край кровати. Ручка ребенка скользит по задней ножке кровати, касается крышки горшка. Так изучается путь к этому всегда актуальному для младенца предмету обихода.

Дальнейший путь — к стульчику. Жест «надень колготки»:

движение кистями рук ребенка вдоль голени, бедер, ягодиц — и сразу же вот они, колготки, висящие на спинке стула.

Тем временем первый ребенок, оставленный воспитательницей на стульчике, запрокинул голову и давит себе большим пальцем под глазное яблоко.

На соседней кроватке бесконечно качается, прихлопывая в ладоши, третий.

— Родители не смогли справиться с одним ребенком. Здесь — трое. Как вы успеваете? — спрашивает женщина-сценарист.

Вопрос был задан Александре Федоровне. Но видя, что она не очень-то на этот раз успевает и времени у нее на ответ нет, прихожу ей на помощь.

0°ГГ-° V-. ..., ™вит одия

дефектологическом факультете. В тот период наш коллектив пополнился молодыми специалистами.

— Вы считаете что дефектология — самая подходящая специальность для работы со слепоглухонемыми детьми?

— Да, в подготовительных и учебных группах. Но в дошкольных я бы предпочел педагогов-психологов, прослушавших дополнительно курс тифлосурдопедагогики, ибо в период «очеловечивания» решаются главным образом психологические проблемы, а не дефектологические.

В соседних комнатах полным ходом идет дошкольное обучение малышей. Группы скомплектованы не по возрастному принципу, а в соответствии с уровнем развития ребенка и характером его множественного дефекта. Для каждого имеются индивидуальные программы обучения, Здесь продолжается формирование навыков самообслуживания в процессе совместной дозированной деятельности. Но это только по форме обучение навыкам самообслуживания, по сути же своей — процесс рождения человеческой психики, первых специальных средств общения.

— Кстати, вот и ответ на ваш вопрос: откуда ребенок узнает, что ложка — это ложка, стул — это стул? Вглядитесь внимательно в работу воспитателя, — предлагаю я своим спутникам. — Каждое совместное действие с новым предметом воспитатель предваряет жестом. Этот жест не выдуман. Он несет в себе черты схожести либо с предметом, либо с действием, которые обозначает, либо с тем и другим одновременно. Посмотрите. Прежде чем надевать колготки руками ребенка, воспитатель коснулся его голеней, бедер, ягодиц. Жест «колготки» — осязаемые ребенком касания его собственных рук, движимых руками воспитателя в процессе надевания колготок вдоль голеней, бедер, ягодиц. Такие жесты мы называем

естественными — они рождаются в самом действии, как бы снимаются с него, являются его копией.

— Простите, но зачем же формировать никому, кроме слепоглухонемых, не понятные жесты, если все человечество говорит словами? Я-то у вас спрашивал, как слепоглухонемые дети узнают общепринятые названия окружающих предметов, — не выдержал режиссер.

— Вы правы. Наша цель — обучить слепоглухонемых детей словесной речи. Слово открывает перед ними путь к овладению всем арсеналом знаний, накопленных человечеством. Жест же может обеспечить лишь оперативное общение в узком кругу. Но ведь в слове нет черт схожести с предметом или действием. Как же протянуть от них ниточку сознания к слову?

— Ну, наверное, можно, неоднократно повторяя слово при наличии обозначаемого им предмета или совершаемого действия, соотнести их в сознании ребенка, а затем закрепить тем же путем.

— Можно, конечно, но, во-первых, это не что иное, как не оправдавшая себя в педагогике дрессировка. Хотя в прошлом при монастырях так и обучали слепоглухонемых механическому запоминанию и чтению молитв, а потом выдавали это за чудо божье. Подсчитано, чтобы таким путем усвоить одно только слово, необходимо 10 тысяч повторений. Жди, когда что-то проклюнется в сознании ребенка, начнет затягиваться какая-то петелька. Вот тут-то нам и помогают естественные жесты. Они как раз для того и нужны, чтобы помочь ребенку первоначально осознать возможность обозначения окружающих предметов и действий через символы и тем самым ускорить овладение словесной речью.

На пути развития сознания ребенка от конкретного образа к слову хорошо прослеживается процесс постижения им отвлеченных понятий. Естественный жест — первая ступенька абстракции. Это уже не сам предмет, но еще и не символ. Значительно позже, упрощаясь и укорачиваясь, естественный жест теряет черты схожести с конкретным образом и трансформируется в символ. Вспомним жест «надеть колготки». Вначале это движение обеих рук вдоль голеней, бедер и ягодиц, но постепенно интересы экономии времени заставляют прибегать к упрощению и сокращению жеста. И вот от сложного естественного жеста остается лишь легкое движение одной рукой снизу вверх по бедру — жест приобрел черты условности. Это еще одна из промежуточных ступенек абстракции на лестнице восхождения сознания ребенка к слову. Путь не прост, тернисты подходы к слову. Естественные жесты — наши незаменимые помощники — способны на предательство, когда их становится

слишком много. Все дело в том, что жест, имеющий черты схожести с предметом или действием, можно актуально изобрести в процессе общения. Именно так и происходит при контактах детей с ограниченным языковым развитием. В этом коварство жестов. И если своевременно не перестроить общения с жестового на словесное, то стремительное накопление жестов может вступить в непримиримое противоречие с интересами формирования словесной речи. Несколько десятков естественных жестов — вот тот предел, за который очень рискованно заходить. При всей своей ограниченности жесты имеют и преимущества перед словом: кроме того, что их можно актуально изобретать, они экономят время при общении. Пока с помощью, дактдмвгии проговариваешь одно слово, жестами можно передать целую фразу.

Непосредственное включение слепоглухонемого ребенка в словесное общение требует от педагога изобретательности и профессионального мастерства. Чтобы слово внедрилось в сознание ребенка, воспитатель соблюдает три непреложных правила: слово должно быть коротким, нести в себе притягательный смысл и повседневно использоваться в общении.

— Вот вы говорите «слово», но почему «слово»? Ведь обучение начинается, наверное, с букв, с алфавита? — перебил меня режиссер.

— В том-то и дело, что не с букв. Буква не несет никакой смысловой нагрузки, ее не привяжешь ни к действию, ни к предмету. Ребенок не поймет полезности зазубривания алфавита. Совсем другое дело — слово. В нем скрыт смысл, его можно связать с предметом, действием, явлением. Оно, что особенно важно, выполняет коммуникативную функцию. Ребенок быстро усваивает это назначение слова.

По сути, при обучении слепоглухонемых языку мы воссоздаем процесс усвоения речи обычным ребенком. Обычный-то ребенок, усвоив навыки говорения, еще не подозревает, что он говорит звуками, что существуют буквы. На каком-то этапе это ему не обязательно знать. Главное, что он осознает пользу общения, его притягательность. То же самое наблюдается при обучении слепоглухонемых, только трудностей значительно больше.

— Каких?

— Ну, прежде всего обычный ребенок воспринимает не только обращенную к нему речь, но и речь, которую он слышит по радио, телевизору, речь беседующих между собой людей. Он может читать вывески, афиши, плакаты. Словом, обычный ребенок все время пребывает в речевой стихии.

У слепоглухонемого возможности восприятия слова ограничены только речью, обращенной непосредственно к нему, т. е. речью педагога. Представляете, сколько должен общаться педагог со слепоглухонемым ребенком, чтобы восполнить весь речевой фонд? Почти беспрерывно! Правда, у слепоглухих перед зрячеслышащими есть некоторые преимущества учебного характера.

— Неужели?

— В отличие от зрячеслышащих слепоглухие при определенных условиях легче овладевают грамотой. И этот парадокс объясним. Ведь информацию они получают только из грамотных источников. Это либо речь педагогов, либо книга. Кроме того, дактильная речь построена по морфологическому принципу. Поэтому у слепоглухих, как правило, нет ошибок, связанных с фонетикой, диалектными произношениями. Дактильно они говорят так же, как пишут.

— Так, значит, письменной речью они начинают овладевать очень рано?

— Да, с трех-, пятилетнего возраста.

— Выходит, что спор о целесообразности раннего обучения грамоте у вас давно решен в пользу такого обучения?

— Нам иначе нельзя. Если не обучать ребенка письменной речи в дактильной форме с раннего детства, — значит, лишить его средств общения, а это ведет к задержке психического развития. Чем раньше мы начинаем обучение словесной речи, тем большего успеха мы добиваемся в развитии ребенка.

— А есть ли принципиальное отличие вашей системы обучения от общепринятой в массовой школе или, скажем, в школе глухих, слепых? Что бы, на ваш взгляд, нам следовало особенно оттенить в фильме как специфическое в обучении? — задает вопрос сценарист.

— Да, есть такое отличие. Наше обучение предметное, трудовое. Невозможно представить успешное обучение слепоглухонемого ребенка словесной речи без деятельности, без «заземления» слов и фраз, без актуального соотнесения их с предметами и действиями, которые они обозначают. Еще труднее представить без предметной деятельности первоначальный период обучения, когда закладываются элементы человеческого поведения, человеческой психики. Начало обучения каждого ребенка связано с включением его в конкретную предметную деятельность. Предметная деятельность пронизывает весь педагогический процесс от первоначального обучения до профессионального. За последние годы сложилась система развивающей предметной деятельности. Она включает

следующие этапы:

1. Индивидуальное самообслуживание.
2. Коллективное самообслуживание.
3. Общественно полезный труд.
4. Предпрофессиональная подготовка.
5. Профессиональный труд.

Нетрудно заметить, что система развивающей предметной деятельности совпадает с трудовым воспитанием слепоглухонемых детей. Этапы системы согласуются со сроками изучения определенных разделов учебных программ. Иначе и быть не может. При слепоглухонемоте эти процессы неразделимы. Ибо здесь невозможно, как в норме, созерцательное получение сведений об окружающем мире и обучение на основе такого восприятия. В нашем случае восприятие и воспроизведение слиты в едином действии рук ребенка. Слепоглухонемой одновременно «смотрит» руками и осуществляет практическое действие ими, повторяя движения рук обучающего. Это не методическое ухищрение — сам дефект предопределил необходимость воспитания и обучения слепоглухонемого через деятельность.

— А через какой образ, по-вашему, можно выразить специфику обучения слепоглухонемых детей?

— Руки — вот тот объект, который должен быть в каждом кадре. Руки, выполняющие и традиционные, и не свойственные им функции, должны быть все время в поле зрения оператора. Именно они, действующие, творящие, созидающие душу руки, отражают нашу специфику.

Давайте рассмотрим в связи с этим этапы развивающей предметной деятельности.

Индивидуальное самообслуживание — самая доступная пониманию и физическим возможностям ребенка сфера приложения собственного труда. В этой сфере и начинается его совместная с воспитателем деятельность, а вместе с ней и общение. Это и одевание ребенка в четыре руки, это и кормление его, и множество других совместных ручных манипуляций, направленных на удовлетворение естественных нужд. Совместная деятельность по индивидуальному самообслуживанию протекает в системе воспитатель — воспитанник, за ее пределы ребенок в познании мира и в общении не выходит. Именно в этот период руки ребенка овладевают первой несвойственной им функцией — осязательным восприятием, заменяющим зрение. Иными словами, функция глаз переориентируется на другой орган — руки.

Навыки восприятия окружающего мира совершенствуются и умножаются, начинают формироваться образы, а с ними и первые средства общения — жесты, затем общение переходит в словесное

(дактильное, с помощью пальцевых букв). Рука ребенка принимает на себя функцию не только речеобразующих органов, но и органов слуха. Одной рукой ребенок говорит, другой — воспринимает речь собеседника.

Индивидуальное самообслуживание постепенно переходит в коллективное. Дети, объединенные в группы, начинают вступать под руководством педагога в деловые контакты между собой. Они сообща поливают комнатные цветы, помогают друг другу в индивидуальном самообслуживании, наводят совместно порядок в игровом уголке, протирают и расставляют мебель. Действия руки как речеобразующего и речевоспринимающего органа все более совершенствуются. Это помогает детям сотрудничать, достигать взаимопонимания. Сфера сотрудничества постепенно расширяется — коллективное самообслуживание переходит в общественно-полезный труд.

Общественно полезный труд дает слепоглухонемому ребенку представление о многообразии окружающего мира. Именно для этого в детском доме в миниатюре воссозданы различные стороны хозяйственной деятельности человека. Слепоглухонемой ребенок должен и мышку в руке подержать, и курицу потрогать, и овцу осмотреть, и лошадь ощупать. Он должен знать, как растут морковь, яблоки и овес. Но для этого нужно самому участвовать в сельскохозяйственных работах. Ибо сущность вещей познается путем воздействия на них.

— Очевидно, при более глубоком знакомстве с жизнью детдома мы сумеем оценить пользу общественно полезного труда в развитии ваших воспитанников. — Останавливает поток моих рассуждений сценарист. — Пока же трудно представить, как дети с такими сложными дефектами могут что-то делать. Совершенно для меня непостижимо, каким образом они, например, участвуют в сельскохозяйственных работах, выращивают овощи, кормят животных.

— Мне понятны ваши сомнения. Важно вызвать у слепоглухонемого интерес к труду. Это великий стимул. Он рождает у ребенка стремление изобретать способы своего участия в труде.

А вот и пример. Вначале никто не мог понять, как полностью слепоглухонемому Вове Т. удается отличать занятую кроликом клетку от пустой. Дело в том, что открывать клетки и ощупывать их внутреннее пространство он не мог, так как дверцы были закрыты. Оказалось, ребенок изучил психологию своих прожорливых подопечных. В каждую очередную клетку сквозь отверстие мелкой сетки он просовывал былинку и терпеливо ею шевелил, пока привлеченный свежей приманкой кролик не

начинал ее жевать. Почувствовав натяжение былинки, Вова закладывал в кормушку пищу.

Любил Вова кормить кур. Он раздобыл мелкий тазик, в который насыпал овес, и, присев на корточки, протягивал его курам в приоткрытую дверцу курятника. Пока куры клевали корм, Вова держался рукой за кромку тазика и по затихающей вибрации определял, когда птицы насытятся. Как только вибрация прекращалась, Вова убирал тазик.

Интересно было наблюдать, как Вова ровно обрезал садовыми ножницами декоративный кустарник. Ориентиром, по которому он устанавливал высоту обрезки, служил его поясной ремень. При посадке лука одинаковые расстояния между луковицами он отмерял тут же подобраной щепочкой. Можно привести много интересных примеров индивидуальных находок воспитанников.

— Ловлю вас на слове. Вы сказали «индивидуальных». Но ведь вы включаете своих детей в общественно полезный труд. А он предполагает коллективные действия. Впрочем, очевидно, коллективный труд лишен для них смысла, ведь они не могут видеть, слышать сотрудничающих с ними товарищей.

— Вы ошибаетесь. Чувство локтя у наших ребят развито, пожалуй, не хуже, а лучше, чем у обычных школьников. Да иначе и быть не может, если учесть, что само формирование и развитие человеческой психики такого ребенка возможны лишь в сотрудничестве с другим человеком: в совместной деятельности. Ребенок привыкает к сотрудничеству очень рано. Слепоглухонемые дети чутко реагируют на изменение ритма и интенсивности труда в процессе совместной коллективной деятельности.

Вот один из примеров. Полностью слепой и глухой Витя К. и слабовидящий Вова М. в ящике, поставленном на санки, вывозили со двора снег. Вова тянул санки за веревку, а Витя помогал ему, упираясь сзади в высокую стенку ящика. Наконец снег доставлен к месту выгрузки. Оба берут лопаты и начинают выгружать снег. При этом один выгружает снег с левой внутренней стороны ящика, другой — с правой. Это позволяет избежать столкновения лопат при недостатке зрительного контроля.

Но вот Вова остановился передохнуть. Тотчас же прекратил работу и Витя. Вначале одновременное прекращение работы детьми я относил к случайному совпадению. Не мог же Витя знать, что Вова отдыхает. Однако, приглядевшись, я заметил, что Витя, выкидывая из ящика снег, все время касается ящика ногой. Очевидно, он делает это для ориентировки движений, предположил я. Но Витя вдруг снял рукавичку и, обратившись ко мне, продактилировал: «Почему Вова не работает?» Вот тут-то я

понял, что Витя не безразлично относился к активности напарника, а прижатой к стенке ящика ногой по вибрации, производимой лопатой, следил за его трудовыми усилиями.

Точно так же по вибрации общего верстака, пола слепоглухонемые следят за ритмом работы в мастерской, в цехе.

Так что общественно полезный труд у нас осуществляется коллективно, и каждый из воспитанников знает в нем свое место и функции сотрудничающих с ним товарищей.

— Вы специально учите слепоглухонемых воспитанников необходимым трудовым приемам? Наверное, у вас их целый арсенал?

— Наша задача вызвать у ребенка внутреннюю потребность к приспособительной деятельности. Было бы неправильно во всех случаях давать готовые рецепты. Ребенок вправе иметь возможность самостоятельного поиска путей компенсации своих дефектов. Главное — ввести его в русло этой деятельности. Иногда мы предлагаем ему образцы, показывая, как сноровисто выполняют ту или иную операцию его товарищи.

Общественно полезный труд — мощный источник накопления личного опыта слепоглухонемого ребенка. Опыта познания, воздействия на окружающий мир, опыта общения.

Наконец, общественно полезный труд — база для учебной деятельности слепоглухонемых детей.

Но все эти неоспоримые достоинства общественно полезного труда не так-то просто реализовать. И главная причина — медицинские ограничения. Воспитатель обязан следить, чтобы ребенок, не дай бог, не поднимал тяжести свыше трех килограммов, не делал резких движений, не пребывал длительное время в наклонном положении, не…

И вот воспитатель следит, но и воспитанники не дремлют. Радж обнаруживает в сарае старую двухпудовую гирю и тайком рано утром, когда воспитатели еще втискиваются в автобус, направляясь на работу, выжимает ее, поднимая над головой двумя руками. Так хочется быть сильным! Дошкольник Митя тоже находит интересное развлечение. Оказывается, скользить на попке по мраморным ступенькам лестницы — удовольствие ни с чем не сравнимое, особенно если на тебя сзади наваливается куча последователей. А прыжки с качелей? А как волнует воображение крыша сарая со свисающей бахромой из сосулек!

Детская энергия требует выхода. И пусть с ограничениями, но ее необходимо направить в русло регулируемой и контролируемой деятельности. Иначе жди беды. Поэтому уже в подготовительных группах малышей учат ухаживать за животными. Все события, связанные с этой деятельностью,

находят отражение в повседневных дневниковых записях. Но если ребенок учится писать, то одновременно он учится и читать. И вот у руки появляется еще одна несвойственная ей функция: указательный палец тренируется в чтении рельефно-точечных текстов.

С обогащением трудовой деятельности ребенка расширяются и усложняются дневниковые записи. Они позволяют педагогам судить об объеме усвоенных воспитанниками знаний, динамике их психического и языкового развития. Правда, по текстам трудно судить об адекватности представлений слепоглухонемого ребенка явлениям окружающей жизни. Но тут на помощь приходит лепка из пластилина. Вспоминаются случаи, когда на предложение вылепить птичку, сидящую на ветке, слепоглухонемая девочка вылепила ее сидящей так же, как сидит человек на стуле; а мальчик, получивший задание изобразить охотника, идущего с собакой, собаку изобразил идущей на задних лапах за ручку с охотником — так, как он сам ходит с воспитательницей. Но все эти казусы случались в ту пору, когда у нас еще не было собственного хозяйства.

Составление дневниковых текстов, заметок в стенгазеты, переписка с родителями, общение в процессе конкретной деятельности не только помогают ребенку овладеть словом, подготовиться к пониманию книжных текстов, усвоению школьной программы, но и дают педагогу необходимые сведения об интересах детей к тем или иным видам труда. Воспитанники, проявляющие заметное тяготение к определенным занятиям, назначаются ответственными за эти участки нашей хозяйственной деятельности.

— Простите, но разве такое обилие практических дел не приводит к излишней утомляемости детей? — волнуется сценарист.

— Не думаю. Наши дети много отдыхают. Только под отдыхом мы понимаем не праздное времяпрепровождение, а перемену видов деятельности, чередование умственных и физических занятий, их проведение попеременно в классе и на воздухе. Уроки математики, русского языка, географии чередуются с уроками физкультуры, занятиями ритмикой, экскурсиями, общественно полезным трудом, трудом в мастерских, играми.

Только так мы и можем рассчитывать на успех в воспитания и обучении слепоглухонемых детей. Тут не следует забывать, что при слепоглухонемоте к тем сведениям, которые обычный ребенок получает в школе, мы вынуждены добавлять еще и такие, которые усваиваются обычным, ребенком стихийно. Поэтому

слепоглухонемой ребенок обучается весь период бодрствования.

От педагога наш воспитанник узнает, что небо высокое и просторное, что тепло на щеке — от солнца, что дождь идет из тучи и какая она, эта туча. Да что там… Даже форму обычной крыши педагог вынужден демонстрировать ребенку на макете: рука не глаз — до крыши не дотянешься. А еще его нужно обучить ориентировке в пространстве, осязательному восприятию окружающих объектов и брайлевских текстов, быстрому дактильному общению и многому, многому из того, что не входит в программу обучения обычных детей.

— При входе в фойе вашего детдома висит лозунг: «Наш девиз: каждому воспитаннику — профессию!» Однако в рамках общественно полезного труда, я думаю, современную профессию дать сложно. И все-таки вам это как-то удается? — спрашивает режиссер.

— Вы правы, общественно полезный труд не может обеспечить профессиональных знаний и навыков. Но прежде чем приступить к обучению слепоглухонемого определенной профессии, полезно дать ему представление о разнообразии доступных ему видов промышленного труда. Иначе в выборе профессии мы вынуждены будем навязывать ему свою волю. В отличие от обычных детей наши ребята самостоятельно получают значительно меньше информации о труде в промышленности: они не смотрят телевизор, не ходят в кино, не слушают радио. Не удивительно, что представления их имеют часто искаженный, отрывочный характер, а уровень притязаний превышает их реальные возможности. Нередко слепоглухонемые, достигшие юношеского возраста, лелеют, детские надежды стать космонавтами, шоферами, милиционерами… Поэтому на смену общественно полезному труду приходит предпрофессиональная подготовка.

Этот вид практической деятельности призван расширить представления воспитанников о промышленных видах труда и помочь им выбрать профессию, соизмеримую с индивидуальными возможностями, с учетом их интересов и склонностей.

Воспитанники оформляются надомниками на местные предприятия и, работая в мастерских детского дома, получают зарплату. Они занимаются швейным делом, вязанием, изготовлением мягкой игрушки, штамповкой металлических изделий, сверловкой, сборкой электрического шнура, упаковкой и другими работами. При этом используются механические станки и электрооборудование.

В этот период проводится много экскурсий на различные предприятия, и прежде всего предприятия системы

Всероссийского общества слепых. Там воспитанники знакомятся с видами труда, выполняемыми слепы-ми, прослеживая осязательно действия рук работающих.

Руки слепоглухонемого в процессе общественно полезного труда и предпрофессиональной подготовки продолжают тренироваться и в восприятии, и в деятельности. Может показаться парадоксальным, но слепые девочки шьют искуснее слабовидящих, а полностью слепоглухонемые сборщики телевизионных плат работают без брака. Это результат утонченности осязания. Слабовидящие же опираются на свое остаточное зрение, и оно их подводит.

В различных видах деятельности широко используется так называемое инструментальное осязание, т. е. восприятие объектов через посредство орудий труда. Представьте себе слепоглухонемого, который грузит лопатой снег в ящик. Через лопату он «осязает» кучу снега, отличает ее от плотной дороги, чувствует степень нагруженности лопаты, определяет направление движения к ящику.

Инструментальному осязанию слепоглухонемой ребенок учится, осваивая действия с ложкой, затем при ориентировке в пространстве с помощью трости. Работая на сверлильном станке, на штамповочном оборудовании, орудуя отверткой, молотком, слепоглухонемой также опирается на инструментальное осязание. Иногда оно находит самое неожиданное применение. Так, один из слепых воспитанников шестом находил на дереве яблоки, ловко их сбивал и шестом же отыскивал в траве. Широкое использование инструментального осязания — одно из условий успешного приспособления слепоглухонемых к труду.

Обучение профессии венчает трудовую подготовку слепоглухонемых и проводится за год до поступления их на работу в Загорское учебно-производственное предприятие ВОС. В рамках профессионального обучения воспитанники овладевают профессиональными навыками в двух-трех видах труда, практикуемых в УПП.

Мы останавливаемся у окна в коридоре. Батареи пышут теплом. В углу на ковровой дорожке свободно разлегся Рыська. Мимо проходят дошкольники, некоторые слабовидящие показывают на кота пальцем, но никто его не тревожит. В каком детском учреждении мог бы так безмятежно чувствовать себя кот? Наши же дети к животным привыкли, они не будут таскать кота за хвост, тискать, укладывать с собой спать.

Включились вентиляторы: закончился урок. Коридоры заполнились школьниками.

— Вентиляторы — часть нашей полисенсорной сигнализации.

Утром включаются прикроватные будильники-вибраторы. Воспитанники организованно поднимаются и отправляются умываться. В столовую всех собирает распыляемый из дозаторов, расположенных на стенах рядом с вентиляторами, пахучий аэрозоль. Синхронно с дозаторами, вентиляторами и вибраторами включаются софиты и зуммеры. Они рассчитаны на восприятие сигналов слабовидящими и слабослышащими. Вибрация, запах, потоки воздуха, свет, звук — все эти раздражители действуют на различные органы чувств. Потому-то сигнализация называется полисенсорной. А работает она от автоматического устройства, в которое заложена программа режима дня.

Впрочем, это не единственное у нас техническое средство. Пока не начался урок, я могу познакомить вас и с другой аппаратурой.

Мы отправляемся в технический кабинет.

— Вот, — показываю я на два сдвинутых торцами подковообразных стола с установкой, похожей на пишущую машинку.—Это «специализированный класс». С его помощью проводятся комсомольские собрания, беседы, коллективные чтения плоскопечатных газет и журналов. На этом устройстве с группой слепоглухонемых может общаться любой человек, не владеющий специальными средствами общения. Для этого на центральном пульте чуть выше брайлевской расположена клавиатура обычной печатной машинки.

— А как ваши ребята воспринимают сообщение?

— Пальцем, которым читают они выпуклые точечные тексты. При нажатии клавишей центрального пульта на круглых площадочках — тракторах каждого из десяти индивидуальных пультов возникают выпуклые точечные буковки, образуемые едва выступающими над поверхностью тактора металлическими штырьками.

Я включаю устройство и предлагаю гостям положить пальцы на тракторы, из отверстий которых должны появиться штырьки. Нажимаю клавиши — все дружно вздрагивают от неожиданных прикосновений штырьков.

— Все ясно, — улыбаясь, кивают они головами.

— Раньше комсомольцы рассаживались цепочкой на сдвинутых стульях, и от первого звена этой живой цепи до последнего информация передавалась в буквальном смысле из рук в руки. Однако надежности это не обеспечивало. Каждый воспринявший сообщение интерпретировал его по-своему, и до последнего звена цепи оно доходило в неузнаваемом виде. Частенько серьезное мероприятие превращалось в детскую игру

«испорченный телефон».

Вы видели, как трудно воспитателю дошкольных групп. Но и учителю при одновременном обучении трех слепоглухонемых учащихся на уроке ничуть не легче.

Тяжело физически: утомляется постоянно поднятая рука, устают дактилирующие пальцы, встречающие сопротивление руки ученика. Да и рук у учителя всего две, а учеников — трое. Даже дактилируя одновременно двумя руками, учитель упускает третьего ученика. Следует учесть, что наши ученики очень любят общение с учителем. Если кто-то из них чувствует недостаточное к себе внимание, то тянет к учителю руку, требует: «Поговори со мной». Учитель в хроническом цейтноте. А в результате — моральное неудовлетворение и у педагога, и у воспитанников. И вот на помощь пришло устройство, получившее название ТЕПРОИВС. Аббревиатура расшифровывается так: телетактор прямой, обратной и взаимной связи. С помощью этого аппарата обеспечивается прямая, обратная и взаимная связь между учителем и учениками. Учитель может объяснять учебный материал, нажимая клавиши на своем пульте, сразу всем ученикам. Каждый из учащихся, воспринимая ответы своих товарищей, с помощью клавиатуры индивидуального пульта имеет возможность дополнять или исправлять их. Занятия в группе слепоглухонемых стали напоминать урок в массовой школе.

Техническая мысль пошла дальше. Слева вы видите устройство, которое выдает под считывающий палец не одиночную букву, как на «специализированном классе», а целую строку. Таких строк здесь три — по количеству учащихся в группе. Использование строк делает считывание более естественным. Ведь мы с вами не вчитываемся в каждую букву текста, а узнаем и «схватываем» слово целиком, по присущим ему сигнальным признакам. Читая выпуклые тексты, слепоглухонемой тоже следует принципу сигнальности восприятия. В данном устройстве, названном комплектом брайлевских строк, учтен этот принцип сигнальности восприятия.

— А тут тоже вентиляторы. Здесь-то они зачем?

Не успел я ответить, как в кабинете появились двое ребят и девочка в сопровождении учительницы. Начался урок.

— Вот сейчас вы все увидите.

Учительница Валентина Ивановна села на свое место и повернула на панели рукоятку маленького тумблера. В глубине аппарата что-то заурчало. Ученики расселись по местам и положили пальцы на чернеющие в металле линии крошечных отверстий. Под пальцами педагога застучали клавиши — из

отверстий строк выпрыгнули блестящие штырьки. Руки ребят задвигались, лица приняли сосредоточенное выражение. Но вот треск клавишей умолк, учительница нажала кнопку, и у девочки от потока воздуха зашевелились кудряшки. Она положила пальцы на продолговатые клавиши, на секунду задумалась, и перед учительницей на световом табло появились буквы. Мальчики сосредоточенно задвигали пальцами по отполированным до блеска головкам штырьков.

— Что она говорит? — нагнулась к Валентине Ивановне сценарист.

— Галя отвечает на мой вопрос. Вы можете прочитать ее ответ на световом табло.

— Странно, я применила слово «говорить» к вашему необычному общению. Но в самом деле, могут они говорить голосом?

Учительница защелкала клавишами, нажала кнопку. Вентилятор направил поток воздуха на мальчика. Напряженно выговаривая слова, он произнес:

— На прошлом уроке мы делали опыт с гранитом. Нагревали его и охлаждали. Он разрушался.

— Вы поняли ответ Юры?

— Да! А девочка тоже может говорить?

— Может, но пока еще недостаточно четко.

— А как вы учите говорить голосом?

— У нас есть логопед. Это рядом, — вмешался я в разговор.

В логопедическом кабинете идут индивидуальные занятия. Девочка следит рукой за вибрацией голосовых связок учительницы, другая рука — на собственном горле.

— О-о-о, — тянет учительница Ольга Сергеевна. Что-то отдаленно напоминающее этот звук пытается произнести ученица.

На столе лежат вылепленные из пластилина изображения различных положений губ при произнесении звуков. Учительница берет муляж с изображением положения языка в полости рта при произношении звука о, кладет руку ребенка на муляж и помогает шпателем поставить язык в нужное положение. Звук не получается. Быстрое движение ватки, смоченной спиртом, вокруг пальчиков девочки, и они исчезают во рту Ольги Сергеевны. Идет ощупывание. А учительница старательно подталкивает язык девочки в нужное положение, и опять дуэт.

— О-о-о, — произносит учительница.

— У-у-у, — тянет девочка.

Все начинается снова. Опять дуэт. Воздух оглашается двумя звуками — о и у.

Я замечаю, как напрягаются и вытягиваются в трубочку губы моих спутников: они беззвучно стараются помочь девочке. На лбу учительницы испарина.

Но вот гости удовлетворенно улыбаются. Им слышится звук о. А учительница продолжает работать. Мы тихо выходим из кабинета.

— Да, — потрясенно произносит оператор, — работа…

— Сколько же нужно терпения, — подхватывает сценарист. — Это обязательно надо снять. Я согласно киваю головой.

— Но разве достаточно этих индивидуальных занятий для того, чтобы ребенок заговорил?

— Нет, конечно, по заданию логопеда педагоги проводят упражнения с ребенком, предлагают голосом пересказать выученный материал, корригируют произношение.

Мы еще долго ходили по детскому дому. Гости получили такое обилие информации, которое, по их собственному признанию, нужно было осмысливать неделю. Через неделю начались съемки. Но для их завершения не хватало одного эпизода — первой встречи воспитанника с родителями. Канатбек для этого замысла подходил больше других: всего восемь месяцев назад родители привезли его в детский дом, и с тех пор он с ними не виделся. Жили они в Казахстане, работали чабанами. И ехать далеко, и люди занятые. Но выхода не было. И вот в Казахстан полетела телеграмма с просьбой принять участие в съемках.

…Яркий свет софитов. Родители в парадных костюмах с орденами и медалями за трудовые успехи сидят в креслах, рядом — поклажа с гостинцами. Все настроились на радостную встречу.

В дверях вместе с воспитательницей Лидией Михайловной появился Канат. Деловито зажужжала камера, защелкала шторка фотоаппарата. Свет софитов проник сквозь плотную муть хрусталика и слабым лучиком коснулся сознания ребенка. Канатик выпустил руку воспитательницы и потянулся к софиту, но чьи-то руки неожиданно обняли его. Он ощутил мокрое лицо, поцелуи на своих щеках и вдруг весь напрягся, уперся кулачками в грудь незнакомой женщины, дико закричал, стал вырываться и тянуть руки к воспитательнице, призывая на помощь.

Оператор опустил камеру. Надежды на радостную встречу рухнули: шестилетний сын не узнал родную мать!

— Снимайте же, снимайте, — не выдержал я, боясь потерять неповторимые кадры.

Чем крепче прижимала мать к груди своего Канатика, тем яростнее ой отбивался. Мать опустила сына на пол. Он успокоился, лишь отыскав руки воспитательницы. Уткнулся в подол ее халата и замер.

Растерянность охватила присутствующих. Мать рыдала, закрыв лицо руками, отец смущенно улыбался. Я чувствовал себя виноватым и лихорадочно искал выход.

Как же воскресить прошлый опыт ребенка, вернуть ему материнскую любовь, ласку? Вернуть сейчас! Теперь! Я чувствую, что все смотрят в мою сторону, ждут какого-то чуда. Ну как объяснить мальчику, что самый близкий ему человек не воспитательница Лида, которая всегда рядом, которая учит его руки множеству необходимых и интересных дел, в том числе радости общения, и к которой он привязался всем своим существом, а вот эта плачущая женщина? Каким языком воспользоваться, если ребенок знает всего два десятка жестов да имя воспитательницы? И вдруг спасительная мысль!

— У вас есть с собой какие-нибудь игрушки, которыми он играл дома? Может быть, одежда? — спросил я со смутной надеждой, еще не веря в успех.

Сквозь слезы мать произносит какие-то слова, показывая рукой на раскрытую хозяйственную сумку. Я подвел к ней Каната и сунул его руку внутрь. Малыш порылся в сумке и, к нашему изумлению, извлек из нее большую кость. Он ощупал ее, поднес к носу и начал жадно вдыхать. Какие-то неуловимые изменения произошли в его лице. Мальчишка встрепенулся и вновь поспешно запустил руку в сумку. На свет одна за другой появились круглые лепешки. Канат торопливо попробовал их на язык, обнюхал одну за другой и сложил кучкой прямо на пол. Пальцы ребенка узнавали забытые предметы, обоняние и вкус подтверждали это узнавание. Весь арсенал средств восприятия, сохранившихся у малыша, был мобилизован. Где-то в глубинах сознания зрело еще не изведанное сладкое, приятное чувство возврата к давно утраченному и близкому. В руках у него оказался пакет с незнакомыми мне ягодами. Он покопался в нем, сунул туда нос, пожевал ягодки. Пакет занял место рядом с лепешками. Руки малыша быстро ощупали сумку, пошарили вокруг нее и наткнулись на чемодан. Он ловко открыл замки и принялся рыться в чемодане. Передвигаясь на корточках, Канат стал обшаривать пространство вокруг себя, должно быть, на полочках его памяти оставались свободные места, и какая-то неведомая сила требовала их заполнить. Вот его рука коснулась ног матери, он резко приподнялся, ощупал одежду, волосы, мокрое лицо и мгновенно оказался на ее коленях. Теперь материнские объятия не вызывали сопротивления. Ребенок лицом прижался к ее волосам, родной запах не оставлял сомнений. Жест «дом», воспроизведенный улыбающимся Канатом, и взмах руки куда-то вдаль завершили процедуру узнавания. Наступила

радость встречи.

Но боже мой! Где тот романтический, воспетый поэтом Майковым емшан, душистая трава, хранительница памяти о покинутой родине? Емшаном материнской любви и привязанности оказалась прозаическая баранья кость.

До чего же прочна связь человеческой души и очеловеченного мира, их взаимозависимость. И в этом мире самые простые изделия рук суть материализованная память, связующее звено поколений, глубинные корни, питающие зародыши человеческих душ.

Каникулы

Каникулы — это тоже работа и обучение. Да и бывают ли в педагогике каникулы? В радостно-приподнятой, непринужденной, атмосфере общения старших и младших можно незаметно научить тому, на что в обычной обстановке уходит уйма времени. Именно в эти дни ребята набираются эмоциональной энергии на все последующие будни.

Приближается долгожданная пора зимних каникул и самый любимый праздник елки.

Елку мы не покупаем, а привозим из лесу сами. Лесник показывает подлежащий вырубке участок леса, и мы выбираем для себя новогоднюю гостью.

На этот раз доверие оказано самым старшим воспитанникам — Олегу и Сереже. Счастливцы уезжают на детдомовском автобусе за елкой, а для оставшихся начинается томительное ожидание. Скоротать время можно, только с головой уйдя в подготовку к празднику. Старшеклассники взяли на себя самую ответственную часть программы: организовали последнюю репетицию; ребята помладше заканчивают украшать зал: рисуют на стеклах зайцев, волков и другую лесную живность; малышам доверили рисовать елочки.

Задрожали стекла, завибрировал пол — во двор въехал вернувшийся из леса автобус. Те, что постарше, кинулись в раздевалку. Кто-то хлопнул входной дверью. И вот уже целая ватага во дворе. Суетятся возле распахнутых дверей автобуса — вытаскивают елку и торжественно несут в дом. Самые сообразительные забегают вперед: спешат выдернуть дверные крюки, иначе елку не втащить. Но вот раскрыты двери, и по лестнице вплывает в коридор зеленое, колючее и пахучее чудо.

Ни один праздник не приносит столько радости детворе. Но у меня эта радость смыкается с печалью, мне представляется иная картина: я уже вижу эту пышную красавицу никому не нужной, брошенной. Больно смотреть на скелетики отслуживших новогодних елок, валяющиеся по всему городу вблизи помойных ящиков.

Решили мы однажды вырастить на территории детдома собственное дерево, чтобы не губить лесную красоту, а наряжать елку прямо во дворе на зимнем воздухе. Съездили в лес и выкопали в глухой чащобе малютку. Посадили. Елочка росла. В жаркие дни она испускала бодрящий смоляной аромат. Ее поливали, подкармливали удобрениями, по прибывающим из года в год кольцам веток считали возраст — ждали. На бывшей

цветочной клумбе просторно было елочке, до самой земли распустила она свои ветви. Нам и в голову не приходило, что кто-то, кроме нас, следит и ждет. Однажды в канун Нового года деревца на месте не оказалось. О нем напоминал лишь косой срез пенька.

Не мог тот гнусный субъект не знать, на чью радость он покушался. И ведь не выронил топор. Поднять бы ему глаза на вывеску, прочитать еще раз лишь два слова «слепоглухонемые дети» и содрогнуться от мысли о задуманном.

Хороший был урок нравственности нашим ребятам. Вот и ответ на часто задаваемый нам вопрос: как воспитываете вы у своих детей нравственные представления? Частенько посторонние помогают нам их воспитывать. Помогают через срубленную елочку, украденных кроликов, сломанный забор. Всего не перечтешь. Но есть у нас непреложное правило: вместо одной похищенной елочки мы выращиваем двенадцать, вместо четырех кроликов — сто. В этом источник нашей силы, нашей веры в собственные возможности. Так мы учимся противостоять неудачам, побеждать невзгоды. Радость от проделанного усилия и маленькой, но победы над обстоятельствами дает новые нравственные образования…

К утру разыгралась вьюга. С трудом преодолевая снежные заносы, я медленно приближаюсь к детскому дому. Открываю калитку и вдруг чувствую под ногами надежную опору. Поднимаю глаза, гляжу сквозь залепленные снегом очки: передо мной в несущейся снежной пыли мечутся, словно бесы, темные тени. По обеим сторонам двора — огромные сугробы. Ну, конечно! Это мои комсомольцы проснулись ни свет ни заря и решили противостоять непогоде. Вон носится с жестяным грейдером Сережа. Олег везет на фанерном листе огромную кучу снега. Радж и девочки закидывают лопатами снег за высокий сугроб.

Олег вытягивает мне навстречу руку с поднятым над кулаком большим пальцем — хорошо! Он рад, что я вижу их трудовой энтузиазм. Вот эта личная удовлетворенность общим делом, осознание его значимости для окружающих и есть стимул, вызывающий потребность в труде, позволяющий формировать чувство ответственности, долга, совесть. Мимо с грейдером движутся слепой Юра и слабовидящий Коля: усилия двойные, а управление целиком Колино. Коля приостанавливается, что-то дактилирует Юре в руку. Оба улыбаются и давят на грейдер с еще большим рвением.

Хватаю в сарае лопату и спешу на помощь. К завтраку двор свободен от снега, перед зданием тянется огромный снежный вал.

Он на службе у техники безопасности. Все от мала до велика знают, что за него заходить рискованно. Чердак у нас теплый, и с крыш часто свисают сосульки, которые не успевают сбивать. Когда долго нет снега, вал худеет: снег увозят со двора на детскую площадку, где он идет на строительство горки и различных снежных скульптур, а в сугробах мальчишки роют глубокие гроты.

Вывоз снега сопровождается лихой ездой на санках. Тут простор мальчишескому воображению. Санки с ящиком могут быть и автомашиной, и танком, и самолетом, и просто повозкой. Вот «летит кибитка удалая», движимая одной, но достаточно мощной человеческой силой в лице Олега или Сережки. Крутые виражи с фонтанами снега, опрокидывание, радостная возня, смех.

Раскрасневшиеся, облепленные снегом, отряхиваем в тамбуре одежду и входим в дом.

Девочки бегут вешать «молнию»: опять отличились наши комсомольцы. Сегодня в знак наивысшего признания их заслуг под «молнией» будет стоять подпись директора.

Поднимаюсь по лестнице, двери зала приветливо раскрыты, оттуда исходит волнующий запах свежей хвои. Елка установлена, и электрик уже укрепил на ветках гирлянды лампочек.

Все больше примет приближающегося праздника. Вот промелькнула и скрылась в библиотеке Снегурочка, из приоткрытой двери мастерской выглянула короткоухая морда медведя, откуда-то прорвались звуки барабана, пронесли большие коробки с красочными этикетками.

Завтра елка. Но не менее важна подготовка праздника — время творения радости для другого, для всех.

В радостном возбуждении начинается праздничный день. Быстрей на завтрак, а потом… Потом — самое интересное! Скорее в библиотеку — там лежат карнавальные наряды.

Появляются родители. На наших праздниках их бывает немного. Ведь дети у нас со всего Союза, из разных республик. Не все папы и мамы могут приехать.

Из кухни доносится вкусный запах печеного теста: девочки затеяли пироги.

«К чему эти лишние хлопоты? — слышу возможные возражения. — Ведь проще все купить в магазине». Но может быть, с ощущением дышащего теста в ладонях, ни с чем не сравнимого аромата только что испеченных для всех пирогов придет осознание непреходящей ценности хлеба, а память о празднике станет ярче и конкретнее. От этих пирогов веет домашним уютом, той объединяющей заботой, которая так нужна

детям.

И вот наконец родители, гости, воспитатели с малышами, всепереживающие нянечки рассаживаются в зале у стен. А перед входом в зал — суета. В новогодних нарядах во главе со Снегурочкой выстраивается карнавальный ряд. Дед Мороз с мешком подарков продирается сквозь детвору. Звучит музыка, и все карнавальное многоцветие и многоформие хлынуло в зал.

В центре — ведущий, рядом переводчики из числа старших ребят. Кружится карнавал. Резкий стук массивной короткой палки о паркетный пол — музыка обрывается. Начинаются построения с флажками. Их сменяет декламация, демонстрирующая успехи нашей логопедии, за декламацией — пирамида, затем хор. Ни один певец в мире не удостаивался такого напряженного внимания, с каким слушают присутствующие пение детей: сопереживают, волнуются за артистов и гордятся ими.

А вот и девочки-снежинки закружились. Легко-то как! Ничем не отличишь от обычных дошкольниц. Вот только смены па следуют после удара палки о пол.

К учительнице ритмики Зинаиде Дмитриевне, сидящей у пианино, подводят двух совсем крохотных малышек с деревянными ложками и сажают их на стульчики. Ножки детей, касаясь корпуса инструмента, улавливают вибрацию. Ложки в детских ручках выбивают ритм о плечики, колени. Успехи и сбои ритма отражаются на лице учительницы вспышками радости и огорчений. И чуть приподнят от сопереживания ее подбородок: так хочется помочь.

Таким же трудом сопереживания захвачены и зрители в зале. Все полны готовности помочь в трудную минуту. Каждый знает, как волнуется выступающий, и ох, как это трудно!

А каким восторгом светятся лица родителей! Ведь они в эти минуты видят новые стороны своих детей, обретают веру в их возможности. В такие минуты состояние счастья в зале кажется предметно ощутимым!

После представлений устраиваются аттракционы, викторины, соревнования.

Праздничный ужин у старших ребят заканчивается вечером танцев.

А после праздника можно и помечтать, вспомнить сокровенно-важное, происшедшее за день. Ведь праздник — это одна из самых ярких форм духовно обогащающего общения с друзьями, воспитания бескорыстия через сопереживание радости другого, которую ты сам постарался ему доставить.

Такими уроками общения становятся и лыжные походы.

Лыжи — самый доступный для слепоглухонемых вид спорта.

Он открывает им возможность быстрого самостоятельного преодоления больших расстояний, помогает освободиться от боязни передвижения в пространстве. Единственное условие для этого — хорошо накатанная лыжня.

Нет надобности говорить о пользе движения для ребенка, самим дефектом обреченного на малоподвижный образ жизни. Вместе с тем это и новое открытие им своих истинных возможностей, и получение физической закалки. В походе создается масса ситуаций, когда каждый может проявить заботу не только о младших, но и о старших. Без опыта такой заботы не будет приносить истинную радость ребенку и внимание, обращенное к нему самому.

К лыжным походам каждого воспитанника начинают готовить задолго до того, как он первый раз, встав в хвост длинной цепочки лыжников, выедет со двора детского дома.

Ребенок еще только начал осваивать дактилологию, а для него уже готовы лыжи. Не удивительно, что одно из первых слов активного запаса — слово «лыжи». Под руководством воспитателя во время зарядки малыши учатся делать скользящие движения. Подрастая, дети регулярно ходят с учителем физкультуры на граничащий с нашим двором стадион. Там они привыкают чувствовать лыжню.

И вот — в поход. С утра радостное оживление, перестук лыж в коридоре, запах кожи и лыжной мази, нетерпеливый лай Огонька, тоже рвущегося в поход. Беготня за шнурками, забытыми варежками, подкручивание креплений. В спортивных костюмах все становятся ладными, подтянутыми. Наконец группы выходят во двор. Торопливо сбежал со ступенек Радж, нагнулся и приложил ладонь к дороге — ощутил тонкий слой холодного пушистого снега, удовлетворенно хмыкнул и бросился в дом за лыжами.

Цепочка ребят во дворе перед калиткой напоминает гусеницу, но узкая калитка помогает подровняться в колонну. Лыжи пока не надеваем.

Я пересчитываю участников похода, всматриваюсь в их лица, выясняю самочувствие, напоминаю про аптечку, красные флажки для перехода улицы. За калиткой — Ярославское шоссе с интенсивным движением. Его надо перейти организованно. За шоссе — стометровый спуск к речке Кончуре. На заснеженном ее берегу мы прячем красные флажки в сугроб, надеваем лыжи и пускаемся в многокилометровый путь.

Мы идем, соблюдая проверенные практикой правила. Возглавляю поход обычно я. Впереди меня бежит только Огонек с красными крестами на кожаной шлейке. Встречные лыжники,

видя огромного пса, предупредительно уступают нам дорогу. За мной идут три воспитанника, последний из которых слепой. За ним — воспитатель: чтобы можно было дотянуться лыжной палкой до бедра воспитанника, если тот собьется с лыжни. Вся цепочка разбита на такие звенья…

Мы идем поначалу небыстро: через каждые десять минут останавливаемся и поджидаем отставших. Минут через тридцать выясняется, что кто-то устал, у кого-то слабы крепления. Эти ребята остаются с воспитателем кататься на ближних горках. Новичков будут обучать спуску с гор: для этого на уровне пояса складываются горизонтально две лыжные палки. Иногда тренерами бывают слабовидящие дети. Ребята становятся в пару бок о бок и, отталкиваясь палками с внешней стороны, скользят вниз. Не сразу решается новичок на парный спуск: упирается, дрожит. Надо уговорить его, успокоить, показать, как это делают товарищи, получить от них подтверждение безопасности и радости от полученного удовольствия. Важно преодолеть страх перед скоростью и бездной пространства.

Зато сколько гордости от первых успехов! Эти маленькие победы над собой обязательно скажутся потом в других делах. Как важна в этот момент незаметная похвала учителя, ободряющая и вселяющая чувство уверенности в свои силы!

Движение основного отряда убыстряется. Вскоре мы достигаем замерзшего водоема, называемого Загорским морем. Располагаемся на кратковременный отдых. Водоем со всех сторон окружен хвойным лесом с частым подлеском. Ветер сюда не залетает. Жемчужина водоема — родник, бьющий из крутого лесистого склона: гипнотизирующее шевеление зелени в прозрачной воде, запахи талой земли и снега.

Воспитатели с воспитанниками подтягиваются к роднику. Слабовидящие любуются родником. Слепые подставляют ладонь под струю воды, ощупывают травянистые берега.

Сопричастность природе — еще один источник пробуждения души, радостных впечатлений.

Здесь, у родника, мы оставляем еще одну группу лыжников. Дальше идут самые тренированные. Впереди долгий путь по лесной лыжне. Местность под Загорском холмистая. Для старших ребят предстоит хорошая тренировка на выносливость.

Я чувствую, как временами наступают мне на пятки мои ребята. Это своеобразный способ самоутверждения. Спуск, подъем, поворот. На крутых склонах используется прием парного спуска.

Впереди поле. По полю гуляет ветер. Пора передохнуть в лесном затишье, подождать отставших. Я прислоняюсь к стволу

молодой сосны, наслаждаюсь тишиной зимнего леса, стараюсь уловить его запахи, всматриваюсь в следы.

Первым подкатил Володя. Делаю из руки, вытянутой поперек лыжни, шлагбаум. Останавливаю его и сообщаю, что мы достигли поля. Надо подождать ребят. У Володи с детства полностью отсутствует зрение, но на лыжах он ходит отменно. На лыжных соревнованиях среди школ слепых Московской области он с товарищами неоднократно завоевывал призовые места. Вот и сейчас, несмотря на узаконенный порядок в цепи, Вова умудрился обогнать слабовидящих друзей, и я вижу по его лицу, что он доволен своим успехом. Мне не хочется портить ему настроение замечанием. Я срываю сосновую иголку, растираю ее пальцами и даю Володе понюхать. Он втягивает носом запах хвои и говорит:

— Елка.

— Сосна, — поправляю я. Беру его руку и накладываю на ствол дерева, а потом наклоняю ветку, чтобы он ощупал иголки и удостоверился.

— Ты знаешь следы лесных зверей?

— Я знаю след зайца.

— Покажи.

Вова нагибается и, растопыривая пальцы, отмеряет расстояния, оставляя концом лыжной палки неглубокие ямки.

— Здесь рядом есть настоящие следы зайца. Хочешь сравнить?

— Хочу:

Мы немного пятимся по лыжне, нагибаемся, ощупываем углубления. Вова растопыренными пальцами измеряет между ними расстояния.

— Ну как? Похожи?

— Совсем как у меня.

— А следы лисы видел?

— По-моему, ямки идут друг за другом.

— Пойдем посмотрим.

Мы съезжаем с лыжни и отправляемся в сторону цепочки лисьих следов, за нами следуют подоспевшие ребята. По пути я просовываю Вовину руку в снежную пещерку и даю ему потрогать уснувшую под снегом елочку, потом касаюсь его рукой неподвижных веток молодой ели.

— Чувствуешь, ветки не качаются. В лесу тихо-тихо. Ветра нет.

— Да, я не чувствую ветра, — подтверждает Володя.

Мы изучаем лисий след и возвращаемся на лыжню. Пересекаем поле и опять углубляемся в лес. Но вот мы у цели. Глазам открывается лесная поляна. Слабовидящие мальчики

знают, что от них требуется: быстро исчезают и возвращаются с охапками сухих веток, валежника. Девочки приседают над рюкзаками. Будут пельмени и привезенный в термосах горячий кофе.

Весело полыхает костер, в котелке бурлит в ожидании пельменей вода, неосторожные повара вытирают слезы от едкого дыма. Мне передают миску и хлеб, по цепочке мелькают ложки. Скоро самая младшая из присутствующих будет разливать бульон.

Костер для ребят — это и завершение трудного дела: дошли! И новое отношение к себе, и, что очень важно, нетерпеливое ожидание обмена впечатлениями с теми, кто отстал в пути.

Обратный путь всегда тяжелее, хотя поклажа значительно легче. Даже Огонек временами валится набок и хватает широко раскрытой пастью снежную пену.

Дома нас давно уже ждут. Расспросы, восторги, назойливо-жалостливые просьбы взять в поход «до костра».

Дойти до костра, куда ходят старшие где едят такие вкусные на свежем воздухе пельмени и пьют кофе, — мечта нового поколения лыжников. Ведь это так заманчиво: лесная поляна, костер и друзья. Но пока есть ближняя перспектива: нужно осилить путь до родника, попить там холодной водички, почувствовать, как зимой в воде растет трава, покататься с высоких гор.

Загорский детский дом для слепоглухонемых детей

На игровой площадке

Первые шаги к человеку (обучение навыкам индивидуального самообслуживания)

Помощь, а не опека

День начинается с зарядки

От заботы к доброте и доверию

Друзья

Огонек поможет сложить первое слово

Общая беседа

Каждый хочет поговорить с директором

Лепка — любимый вид творчества и средство обучения

Обучение звуковой речи

Урок с применением технических средств

Техника облегчает общение

На уроке ритмики

Интересная книга (в библиотеке)

В пионерской комнате

Каждому нужно найти дело по душе

Совместный труд на общую пользу
Вырастили сами!
Дорогие гости (встреча с родителями)
Выпускники детского дона на производстве
Вдохновение (скульптор Ю. Лернер)
Дактильная азбука

Наличие манящей перспективы — одно из условий рождения у ребенка готовности к преодолению трудностей на пути к влекущей цели, развития его активности. И если эти трудности преодолеваются постепенно, через целую цепь промежуточных перспектив возрастающей сложности, то у ребенка появляется основанная на практике уверенность в собственных силах. Его не будет отпугивать сложность стоящей перед ним задачи. Уровень притязаний придет в соответствие с реальными возможностями.

Уже на следующий день на стенде газеты «Наша жизнь» висят листочки тетрадной и плотной брайлевской бумаги. Здесь можно найти красочные описания вчерашнего похода. Тут же отчеты воспитанников об экскурсиях.

Зимние каникулы — самое подходящее для них время. Слепоглухонемые дети должны знать имена людей, победивших физические недуги. Людей, которые нашли в себе силы противостоять самым тяжелым испытаниям и чья судьба служит примером героизма и величия человеческого духа, вселяет веру в возможности человека. Имена Николая Островского, Ольги Скороходовой, слепого скульптора Лины По хорошо известны ребятам.

Прочитаем один отчет с хорошо знакомыми нам фактами биографии Н. Островского, подтверждающий высокую степень адекватности восприятия слепоглухонемыми нравственного опыта.

В музее Островского

15 марта мы были в Москве на экскурсии в музее Н. А. Островского. Экскурсовод рассказывала нам о его жизни, показывала документы, вещи первых лет Советской власти. За стеклом хранится комсомольский билет Н. Островского, орден Ленина, которым его наградили за большую работу. Нам показали билет и орден Ленина.

В детстве Островский жил с родителями на Украине. Время было трудное. Николай много и тяжело работал. Ему было только 10 лет, а он уже работал на вокзале в буфете — мыл посуду, работал на кухне. В свободное

время он читал книги. Островскому было 14 лет, когда он вступил в комсомол. В Шепетовке не было еще комсомольской организации, поэтому Островского называют первым комсомольцем.

С 15 лет Островский сражался в Первой конной армии Буденного, был тяжело ранен в голову и в живот. Лечился в госпитале. После этого потерял зрение на один глаз. Врачи не разрешали ему работать, но он тайно спрятал документы об инвалидности и поехал с комсомольцами строить железную дорогу. Снова тяжело заболел, но и больной все время думал: как быть нужным?

Тяжелая болезнь мешала ему двигаться. Теперь он не мог вместе с комсомольцами драться с врагами, строить. Он ослеп, не вставал с постели, но Островский не сдавался. Он задумал написать книгу о горячем времени и о своих боевых друзьях.

Книга «Как закалялась сталь» сразу всем понравилась. Никто не верил, что ее написал тяжелобольной человек.

Мы осмотрели комнату, где лежал Островский. Мебель простая и скромная. У кровати висела телефонная трубка. Если кто-нибудь звонил, то друзья снимали трубку и держали ее около уха Островского. Он слушал и отвечал голосом.

Мне очень понравился музей. Я удивляюсь, как много силы было у этого человека.

У Островского было много друзей. Комсомольцы, друзья, партия, народ помогали ему встать в ряд строителей новой жизни. Надя К.

Отчет содержит одну любопытную деталь. Перечисляя невзгоды и трудности жизни Н. Островского, девочка постоянно обращает внимание на его возраст. Это не что иное, как внутренний оборот на себя. Поражает и конец отчета. Там говорится о невозможности жить без людей, о неразрывной связи Островского с друзьями в самый тяжелый период болезни. И приводится эпизод, который произвел особое впечатление на слепоглухонемого ребенка: когда кто-нибудь звонил Н. Островскому, друзья снимали трубку и держали возле его уха. Он слушал и отвечал голосом.

А вот творчество Раджа.

В музее имени Дарвина

Я был рад, что мы поедем в музей. Я люблю ходить в

музей. Мы долго ехали в Москву. В музее было мало людей. Только мы. Женщина-экскурсовод рассказала нам, как из обезьян получились люди, как развивались настоящие лошади. Мне разрешили смотреть руками. Я смотрел руками слонов, маленьких и больших лошадей, обезьян, древних людей. Это интересно. Я видел, как древние люди все вместе убивали медведя. Я видел, как злая горилла убила древнего человека. Картины я не видел, потому что слепой. Потом мы пошли в другой зал. Экскурсовод дала нам посмотреть ящерицу и змею. Там в шкафах много разных животных: тигры, белые медведи, жирафы, львы, разные куры и птицы. Но я их не видел, потому что все в шкафах, а шкафы закрыты.

«Шкафы» бывают закрыты не всегда. Если хорошо попросить, то витрины, на которых висят строгие таблички, открывают и ребятам разрешают трогать экспонаты.

Общение на основе духовных ценностей формирует нравственный мир человека, его жизненную позицию, круг интересов. Для того чтобы дети могли эмоционально пережить социальный опыт поколений, ощутить неповторимость и уникальность собственных переживаний, необходимо соприкосновение с миром прекрасного. За этим и приходим мы с нашими ребятами в музеи и картинные галереи.

С картинами сложнее. Их не ощупаешь. Когда Радж будет учиться в старших классах, его познакомят с картинами, правда, знакомство будет словесное. Слепоглухонемым рассказывают об авторе картины, истории ее создания, во всех подробностях описывают ее содержание.

Но может быть, для этого не нужно ходить в музей? Думается, сама атмосфера музея способствует лучшему запечатлению рассказа. Следует учесть, что среди воспитанников есть и слабовидящие, которым в определенной степени доступно зрительное восприятие картин. Между ними и слепоглухонемыми произойдет обмен впечатлениями, и рассказ учителя дополнится новыми подробностями.

Но музеи — это не только картины и реликвии. В музеях представлена скульптура, которая может доставлять слепоглухонемому ребенку непосредственное эстетическое наслаждение. Через скульптуру слепоглухонемой знакомится с динамикой человеческих движений, поз, с внешним выражением эмоций, проявлением человеческих отношений. Это как раз те стороны человеческой жизни, которые заслонены множественным

дефектом ребенка, потому что здесь требуется дистантное восприятие. Мы ищем всевозможные пути, чтобы дать слепоглухонемому ребенку представление о многообразии человеческой мимики. В музее нашего детдома хранятся мимические маски, изготовленные из гипса по заказу родоначальника русской тифлосурдопедагогики И. А. Соколянского. С их помощью слепоглухонемых детей можно обучать правильному отражению в мимике своих душевных состояний. Даже термин существует — демаскация. Что значит: оживление мимикой фантомасоподобного лица незрячего ребенка. В гипсовых масках зафиксирована мимика, сопутствующая различным переживаниям человека. Это мимика гнева, радости, испуга, брезгливости и многих других эмоций.

Одним из наиболее доступных слепоглухонемым видов художественной деятельности, способом выражения представлений о явлениях окружающей жизни является лепка.

Двери моего кабинета всегда открыты, чтобы каждый из воспитанников мог зайти ко мне в любое время.

Радж один из самых частых посетителей. У меня с ним сложились дружеские, доверительные отношения. Иногда он заходит в кабинет в мое отсутствие, берет нужные ему инструменты, зуралин (пластилин, твердеющий при термической обработке). В каникулы наши контакты расширяются.

— Альвин Валентинович, — мелькают быстрые пальцы мальчика, — дайте, пожалуйста; зуралин, мы с Юрой будем лепить.

— Какого цвета? — спрашиваю я.

Радж консультируется со своим другом Юрой, стоящим рядом с ним. Юра после операции стал немного видеть и различать цвета. Он помогает Раджу в выборе.

— Синий, — следует ответ.

— Сколько штук?

— Четыре, — выставляет Радж пальцы. Юра что-то говорит ему под ладонь.

— Один белый и один красный, — добавляет Радж.

— Что хотите лепить?

— Я буду лепить солдата, а Юра хочет лепить слона. Мальчики получают зуралин, нюхают разноцветные колбаски.

— Спасибо, — произносит Радж голосом.

Через некоторое время на моем столе появляется солдат из зуралина — творчество Раджа. Полнейшая разработка самых мельчайших деталей. Тут и петлички, и лычки на погонах, и эмблемы, и все пуговицы на своих местах. Но ни малейшего намека на движение. Солдат, что называется, деревянный. Я

узнаю этого солдата. К одной из воспитательниц пришел находящийся на побывке племянник-сержант. Мальчишки, зная тяготение Раджа ко всему военному, тотчас же известили его об этом. Оторопевший от неожиданности, замерев по стойке «смирно», юноша терпеливо сносил прикосновения Раджиных рук.

Потом много было этих статических фигурок: офицер, милиционер, капитан корабля, летчик… Как же научить Раджа передавать динамику в своих изделиях?

Поручаю своему сыну вылепить солдата, всадника на коне, индейца с копьем. Все эти поделки приношу в детдом и ставлю на свой стол. При очередном визите Радж обязательно коснется фигурки, либо мальчики сообщат ему, что на столе директора появились новые «игрушки». Жду…

Торопливые шаги Раджа слышны издалека. Вот он входит в кабинет и начинает шарить по столу рукой, но вместо фигурки солдата находит мою протянутую руку.

— Ты что ищешь?

— Саша сказал, что у вас есть солдат.

— Да, есть, — протягиваю я ему солдата. Радж некоторое время ощупывает фигурку, нюхает и ставит ее на стол.

— Кто лепил?

— Сын.

— Ваш сын хорошо лепит.

— А ты можешь вылепить солдата на войне?

— Нет.

— Почему?

— Я не вижу, — показывает жестом Радж.

— А солдата на коне можешь вылепить?

— Да.

— Держи, — протягиваю я зуралин.

Радж начинает лепить, я отправляюсь по своим делам. Через некоторое время я возвращаюсь в кабинет и вижу лежащие перед Раджем заготовки. Сам Радж, разминая зуралин, что-то мычит себе под нос. Я сажусь за свой стол и наблюдаю за работой. Проходит некоторое время.

— Вы слышите? — произносит Радж голосом.

— Что? — не понимаю я.

— Вы слышите? — повторяет он дактильно, очевидно решив, что я не разобрал произнесенных им слов.

— Слышу, как ты поешь, — догадываюсь я, понимая, что мальчишка не решается назвать свое гудение пением.

— Ваш сын умеет петь?

— Умеет, но он плохо поет, а лепит хорошо. — Подозреваю я

подвох.

— А я хорошо пою? — спрашивает Радж с надеждой. Движения его рук замедляются — он ждет. Я в замешательстве. Ну что ему ответить?

— Радж, чтобы хорошо петь, надо учиться пению, а пока тебе надо учиться хорошо лепить.

Радж согласно кивает головой и возобновляет работу. Вскоре появляется на столе сносная лошадь, на лошадь Радж сажает всадника. Все хорошо, только руки всадника растопырены в разные стороны. Радж не знает, что в руках у всадника должна быть уздечка. Рядом с его изделием я ставлю поделку сына и предлагаю Раджу сравнить. Радж ощупывает вздыбленную лошадь и напряженную фигурку всадника, натянувшего нитяную уздечку.

— Лошадь стоит на двух ногах? — изумляется Радж.

— Нет, так лошадь прыгает, а люди говорят — скачет, то есть бежит прыжками, — стараюсь я донести до сознания Раджа незнакомое ему явление.

— Ты можешь вылепить скачущую лошадь?

— Нет, я не вижу, — отвечает Радж стереотипной фразой.

— Я тебе помогу, — успокаиваю я его, и мы начинаем делать проволочный каркас скачущей лошади.

Я не собираюсь обучать Раджа ваянию — это дело специалистов. Мне хочется, чтобы он поверил в свои возможности, чтобы пробудился у него интерес к этому наиболее доступному для слепоглухонемых виду изобразительной деятельности, в котором сочетаются эстетический и нравственный моменты. Ведь, по сути дела, работа Раджа над деталями своих творений есть способ присвоения человеческого опыта, опредмечивания его в эстетической форме. Это и увлекательный труд, помогающий преодолеть статичность представлений, расширить круг общения с людьми. Может быть, будет Радж скульптором?.. Не удивляйтесь, читатель, — это вполне осуществимо. В подтверждение приведем размышления нашего профессионального скульптора Юрия Лернера когда он был еще старшеклассником.

> Когда фантазия полезна в области изобразительного искусства и когда вредна
>
> (Размышления)
>
> Здесь я изложу свои мысли только в области скульптуры, которая мне наиболее близка, не затрагивая живопись, которая мне хоть и знакома, но малодоступна для восприятия. Добавлю, что в живописи гораздо большие, так называемые территориальные

возможности. Что это значит? Это значит, что в живописи можно брать огромные площади холста для нанесения на них всевозможных предметов. При этом можно наносить сколько угодно и каких угодно предметов, не заботясь об их скученности.

Иначе же дело обстоит в скульптуре. Здесь самая необходимая черта — скученность. Предметы должны занимать гораздо меньшую площадь основания. Кроме того, скульптура не может терпеть ничего лишнего. Она не может изображать многие окружающие предметы. Это все требует особой чуткости к фантазии, чтобы отражать ту или иную картину в скульптуре.

Перед нами эпизод из сказки А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке». Изображена старуха у разбитого корыта, а рядом старик. Старик стоит с поникшей головой и смотрит на старуху. В одной руке старик держит сеть — признак рыбака, а другой поддерживает прялку, за которой сидит старуха. У ног старухи — разбитое корыто. Она зло отвернулась от старика. Даже смотреть на него не хочет, точно он во всем виноват. И видно — изображена злая и жадная баба. Чего же тут не хватает? Избы. Да, изба есть на картине. Но на скульптуре ее нельзя изобразить. Она своей громадной массой закроет главные действующие лица, и они не будут просматриваться. Это уже архитектура.

Следовательно, фантазия в скульптуре — необходимая вещь. Однако всякая вещь имеет предел. Есть предел и употребления фантазии.

Если фантазировать в ущерб изображаемому, то это уже вредная фантазия.

Так, например, при изображении действительных фактов, которые были на самом деле, полезно изображать все так, как это и было, без всяких прикрас и идеализации. Сюда не следует добавлять какие бы то ни было посторонние вымышленные детали. Они будут только искажать картину или портрет…

Пусть кое-что в записках Юры наивно. Налицо не только развитая потребность в эстетической деятельности, но и попытка ее теоретического осмысления.

Почему же так важно искусство в воспитании слепоглухонемых детей? Искусство воспитывает творчество как черту личности. Формирует и развивает чувства, что особенно важно — эмоциональную отзывчивость, позволяющую

сопереживать другому, ощутить чужую боль или искренне и полно разделить радость товарища. Это очень важные качества личности слепоглухонемого ребенка, противостоящие нарождающимся порой негативным тенденциям эгоцентризма, собственной исключительности.

Радость, полученная в разнообразной эстетической деятельности, обязательно коснется и познавательной сферы. Процесс познания шире процесса обучения, поэтому совместное творчество ребят под ненавязчивым руководством учителя, который тоже находится в состоянии поиска, должно переноситься и на общение, выходящее за рамки обучения.

Самые старшие ребята, во время каникул занимаются серьезной творческой работой: испытывают новые технические средства. У меня в кабинете — большой центральный пульт. Во дворе прогуливаются воспитанники. Но делают они это не просто так: каждый из них участвует в эксперименте.

Я нажимаю кнопку пульта, выглядываю в окно: четыре руки дружно поднялись вверх. Значит, вибраторы сработали, и мои сигналы дошли. Пятый участник эксперимента невозмутимо продолжает движение — где-то неисправность. К нему подходит молодой мужчина, снимает с его запястья браслет с приборчиком и копается в приборе отверткой. Все. Браслет на месте. Я нажимаю кнопку — на вибрирующие пластины приборчиков поданы сигналы. Теперь все пятеро взмахивают руками. Первая в мире связь со слепоглухонемыми по радио заработала.

На очереди — испытания новой обучающей машины. Тут работа будет посложнее. Нужно составить программы, проверить их, испытать машину на надежность и удобство в эксплуатации. Дело ответственное, но помощники у меня проверенные, да и в успехе заинтересованные. Причастность к техническому прогрессу — это немаловажно для современного мальчишки.

«Технические средства сигнализации, общения, программированного обучения и плоскопечатные машинки в нашу жизнь внесли очень много, — пишет Юра Лернер. — Они сделали буквально переворот во всем укладе нашей жизни. Технические средства сигнализации дали возможность отмечать (при помощи вентиляции) промежутки между уроками и переменами, совершенно исключая возможность опоздания. Все более выдающаяся роль принадлежит средствам общения. С их помощью можно проводить массовые уроки, собрания, читки газет. Кроме того, если приходят посторонние люди, они могут легко, без помощи педагога вести беседу с учащимися при помощи зрячепередающего телетактора. Новый беспроволочный телетактор, который сейчас испытывается, дает возможность

разговаривать на больших расстояниях друг от друга. Это помогает вызывать учеников в любое место, даже не зная, где они находятся. Программированное обучение открывает широкие возможности для самостоятельного прохождения материала, повторения пройденного и экзаменовки. Очень велика роль зрячепечатных машинок. Они позволяют иметь связь с очень и очень обширным кругом людей. Машинка позволяет печатать зрячие письма, которые могут читать все. Они даже более понятны, чем простые, написанные от руки, ибо у каждого разный почерк, а у Машинки — один, печатный. Они же позволяют выполнять различные учебные задания по-зрячему, переводить заметки, чем открывают широкий доступ для окружающих.

Наиболее удачным является телетактор со зрячей клавиатурой. Он очень хорош для общественных мероприятий. Он легко переносится с места на место. В случае ненадобности маленькие коробочки тракторов легко отложить в сторону. Но и у него ряд недоделок. Ему очень не хватает обратной связи и самоскладывающегося шнура, так как простые шнуры путаются и вызывают неудобства в подключении аппаратов. Очень хорошо бы еще уменьшить размеры машины.

В дальнейшем хорошо бы сделать сигнализацию не только для уроков и перемен, но и для подъема, отбоя и регулирования тихого часа.

Очень нужна сигнализация для выработки ритмичности на уроках физкультуры — в тренировке по различным упражнениям, чтобы все делали как один, а не вразброд, как ватага пьяниц.

Надо бы сделать наручные часы-вибраторы для слепоглухонемых. Они будут равны по значению будильнику для слабослышащих. Очень полезными приспособлениями можно оснастить зрячую и брайлевскую машинки. Так, возникают трудности в регулировании конца строки, конца листа. Ведь мы не слышим звонков, а по ходу работы часто сильно поглощаемся ею. Но звонки не напоминают нам о конце строки либо о конце листа, как для слышащих. Это приводит к очень чувствительным ошибкам, которые было бы можно избежать…»

Думается, не будет преувеличением сказать, что заинтересованность детей в творческом поиске не менее важна, чем самые уникальные технические средства. Такая заинтересованность — одно из условий постоянного развития, обогащения связей слепоглухонемых с внешним миром в их последующей жизни.

Атмосфера созидания — непременное условие формирования деятельной, уверенной в своих силах личности. Мы все время что-нибудь строим, перестраиваем, ремонтируем. Ребята к этому

привыкли и еще зимой пристают ко мне с вопросами, что мы будем делать весной, летом. Я всегда готов делиться с ними ближними и дальними перспективами, для освещения которых использую и стенгазету. В ней отражены все стороны нашей жизни, в том числе и трудовой.

Теплицу мы построили давно, потом меняли теплотрассу от здания детского дома до мастерской. Затем наступила эра сноса старых сараев, потом — благоустройство детской площадки, возведение забора. Ремонт сетчатого вольера для наших животных. Совместно с нашими друзьями-шефами уложили электрокабель в двухсотметровую траншею. Наконец, теплотрасса от котельной ресторана «Золотое кольцо». С ней работы хватило на всю осень, осталось на весну и лето. А впереди — расширение мастерской. Уже завезен и уложен аккуратными стопками кирпич, громоздятся фундаментные блоки, в сарае лежат новые рамы и двери. Ребята нетерпеливо спрашивают, когда начнем.

А тем временем привозят новые шкафы, столы, стулья, деревянные кровати (мы каждый год частично обновляем мебель). Мальчишки кидаются наперегонки разгружать, таскать, собирать, расставлять. Повседневный труд создает устойчивый иммунитет к потребительству и снимает противоречие, характерное для значительной части современных подростков: с одной стороны, явления вещизма, с другой — невероятно пренебрежительное отношение к вещам, а значит, и к результату чужого труда.

Мы постоянно находимся в состоянии активного ожидания. Замачиваем семена и, подливая в тарелочку воду, ждем, когда они прорастут. Высеиваем их в теплице — ждем всходов. Натягиваем веревки для зеленых плетей огурцов, подкармливаем и ждем, когда появятся первые цветы и завязь. Работаем и ждем. Ждем и работаем. Мы кормим наших кроликов и ждем от них потомства, потом балуем крольчат и ждем, когда они вырастут. Встречаем привезенного в нашем автобусе из деревни Муханово Катькиного земляка Яшку, приехавшего к ней в гости. Яшка пугается новой обстановки, прячется за Катьку, но горстка мелкого клевера и детская ласка быстро приручают комолого барашка.

Не за горами строительство учебно-производственно- го комплекса для слепоглухонемых. В этом созидании главное — забота. Не о личном благе — об общем благополучии. Забота о нашем доме, друг о друге, о младших воспитанниках, о наших друзьях-шефах…

Зачем мы сушим сухари, заготавливаем сено, утепляем сараи, строим просторные клетки, вольеры? Чтобы было сытно, тепло и

просторно нашим животным.

Зачем мы сносим старые сараи, обносим освободившуюся территорию забором? Чтобы сделать детскую площадку. Нашим младшим детдомовцам будет свободно играть и бегать.

Мы экономим электроэнергию, собираем макулатуру, металлолом, участвуем в субботниках, выкармливаем кроликов, которых сдаем государству. Так мы заботимся об общенародном благосостоянии.

Как же рождается это «мы» в организации нашей многосторонней деятельности? Важно, чтобы деятельность эта была не искусственной, диктовалась реальными потребностями жизни и ими же управлялась. При этом совершенно недопустимо половинчатое детское самоуправление. Здесь еще раз высвечивается проблема формирования чувства ответственности за общее дело, в котором нет мелочей. Вот как она раскрывается в сочинении одного из воспитанников — Федора С.

> Как я работал на субботнике
>
> На комсомольском собрании мы распределили много поручений. Наш секретарь Валя Б. сказала мне: «Ты не ходи на работу в столярную мастерскую утром, девочки пойдут мыть полы в мастерских». Все комсомольцы и ученики идут на субботник с 9 до 12 часов.
>
> Утром была линейка. Потом мы оделись и вышли на субботник. Валя говорила мне: «Ты будешь ремонтировать песочницу, но вначале отбросишь песок». Я не ждал, когда начнется субботник. Приготовил лопату, молоток и гвозди. На детской площадке, где играют дети, есть песочница. Мы убрали двор, сараи, детскую площадку, мастерские, огород. Миша Н. сделал домик для маленьких детей.
>
> На детской площадке я отбросил песок и ремонтировал песочницу. Дети пойдут гулять, увидят эту песочницу и будут рады, что я ремонтировал ее и хорошо работал.

А вот заметка Любы Х.

> О субботнике в детском доме
>
> В воскресенье 18 апреля мы оделись и вышли во двор носить, навоз. Мы сами выращиваем разные овощи. У нас есть огород, парники и теплица.
>
> День был солнечный и теплый. Все ребята дружно работали на субботнике. Сережа Ч. быстро копал

лопатой навоз и бросал его на носилки. Мы носили на носилках навоз на огород. Мы складывали навоз на землю.

Весной на огороде все ребята будут копать лопатами землю, посеют семена, потом будут полоть зеленую траву, поливать овощи.

Все лето мы будем ухаживать за овощами. К осени у нас вырастет богатый урожай.

По этим заметкам можно судить не только о содержании труда на субботнике, отношении к нему со стороны ребят, но и об их умственном и языковом развитии. Заметки относятся к тому периоду, когда полностью слепоглухонемые Федор С. и Люба Х. обучались по программе VI класса.

Каникулы — это не только интересные дела, развлечения, походы и экскурсии, но и встречи с друзьями, старыми и новыми.

Приехал Саша Суворов — наш выпускник, закончивший МГУ и работающий сотрудником в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР.

Не успел поставить сумки, как на нем повисли наши мальчишки, которых я предупредил о приезде Саши за несколько дней. Ждали Сашу с нетерпением и теперь не могут сдержать бурной радости.

В кабинет ввалились гурьбой. На мой стол легли девять машинописных листов — поэма. Саша начал писать стихи еще в детском доме. Пробегаю глазами столбцы четверостиший — поэма написана по мотивам личных переживаний.

— А где общечеловеческая тематика? — спрашиваю я, возобновляя наш старый разговор.

— Не беспокойтесь, будет. Я эту поэму немного переделаю и дополню. Просто мне легче идти от личного к гражданскому. Впрочем, я начал еще одну поэму. Хотите, я сегодня для вас напечатаю «по-зрячему»?

— Спасибо! Ну, рассказывай, с чем приехал? — шевелю я пальцами в его узкой ладони.

— Да совесть мучает, — глуховато, с запинкой произносит Саша.

— Что так?

— Я давно дал слово помогать умственному развитию каждого слепоглухонемого, а получилось, что за своими хлопотами совсем оторвался от детдома. Вы как считаете?

— С чего же ты хочешь начать сближение? — допытываюсь я, не отвечая на вопрос.

— Я думаю поговорить с ребятами, — нерешительно тянет

Саша, — только с чего начать?

— Советую обратить внимание на работу комсомольской организации. Может, вспомнишь свою комсомольскую молодость и через стенгазету поделишься с ребятами своим богатым опытом?

— Можно, — произносит Саша. — Если помните, я был редактором газеты и одновременно ответственным за экономию электроэнергии.

Перед обедом Саша приносит напечатанную по Брайлю заметку стенгазету.

— Это я только показать. Можно я на вашей машинке, «по-зрячему» перепечатаю?

Саша усаживается за машинку, и начинается непреднамеренная дуэль двух машинок: Сашиной и нашей секретарши. Сашина машинка берет разгон, все быстрее мелькают его длинные пальцы, и вскоре его преимущество становится явным.

Саша научился печатать на обычной машинке еще в VI классе. Мне стало трудно проверять изложения воспитанников, напечатанные по Брайлю. Бесцветные точки сливались с фоном бумаги, приходилось напрягать зрение, и глаза быстро уставали. Я решил научиться печатать десятипальцевым методом, который иногда не без основания называют слепым, а затем обучить ребят своей группы. Принцип здесь такой: каждому из десяти пальцев соответствует определенная группа клавишей. При достаточной тренировке пальцы хорошо запоминают «свои подопечные» буквы, и печатание происходит автоматически, без контроля зрения. Четверо моих учеников быстро освоили машинопись, и дело пошло на лад. Иначе бы я не знал, что делать с их сочинениями в IX и X классах.

После обеда я получаю заметку и несколько листочков со стихами. Обещаю Саше прочитать стихи и высказать свое мнение. А пока погружаюсь в чтение заметки.

А. Суворов

Как мы свет берегли

«Все ушли на ужин, Свет не погасили. Свет теперь не нужен —

Про него забыли. Надо свет беречь! Без нужды не жечь!

Без нужды — это когда не надо. Это очень старое мое стихотворение. Я его написал, когда учился в детском доме — одиннадцать лет назад.

На комсомольском собрании долго думали, какое

мне дать поручение. Мы хотели, чтобы каждому комсомольцу было интересно выполнять порученное дело. Я был редактором стенгазеты „Пионер“, потому что писал стихи. Комсомольцы решили, что мне интересно писать, и поручили мне стенгазету „Пионер“. Но они считали, что этого мало. Надо мне заинтересоваться еще чем-нибудь. И мне поручили экономить (беречь) электрическую энергию.

Когда в доме горят лампы, это горит (расходуется, тратится) электрическая энергия (сокращенно — электроэнергия). Когда мы умываемся и пускаем воду, мы опять электроэнергию тратим. А за электроэнергию детский дом платит деньги.

На электростанции удивлялись:

— У вас же слепые дети, а электроэнергии вы тратите больше даже, чем другие. Почему?

И вот мне поручили экономить свет.

Я сначала вечером обходил весь детский дом. Смотрел, где течет из крана вода, а никого нет. Где пустая комната, а свет горит зря, без пользы, хотя никому не нужен. Я закрывал краны, выключал свет. Но я проверял краны и выключатели только вечером, а утром и днем не проверял. Света израсходовали так же много, как и раньше, и детдом платил за него денег так же много, как и раньше.

Когда мне об этом сказали, я рассердился. Я стал очень часто проверять краны и свет. И получилось весело, очень интересно.

Захожу в класс, смотрю — никого нет. А свет горит. Я сердито говорю вслух:

— Никого нет, зачем свет горит?

Бывает, и правда никого нет. Я выключаю свет и ухожу. А бывает, я не замечаю учителей или ребят. Учителя слышат, как я сердито говорю, что никого нет. Они бегут ко мне и в шутку спрашивают:

— Разве мы никто?

— Я вас не заметил, — отвечаю.

А ребята не слышат. Я выключаю свет и ухожу. И вдруг меня догоняет какой-нибудь Вова Пудовкин и кричит дактильно:

— Зачем свет? Зачем свет?

А в туалете бывает совсем смешно. Я закрывал краны, смотрел, нет ли кого в туалете, и выключал свет. Но тоже иногда не замечал кого-нибудь. Тогда вдруг из

туалета начинался дикий (очень громкий) крик:

— О-О-О!

Но я не слышу, и догнать меня нельзя, потому что у оставшегося в темноте не закончено очень важное дело в туалете. Он кричит, потом вылезает и ищет, кто с ним так пошутил. А я не шутил. Я просто не видел. Он сердится, а над ним все смеются.

Скоро эта игра понравилась всем ребятам. Они стали нарочно выключать свет и убегать. Но и серьезно каждый, когда уходил куда-нибудь, старался выключать свет за собой. Так мы работали и играли четыре месяца.

Мне стало интересно, меньше или нет мы расходуем электроэнергии. Я пришел к Альвину Валентиновичу и спросил его об этом.

Он пошел в бухгалтерию и попросил посмотреть, меньше или нет мы расходуем электроэнергии.

В бухгалтерии взяли листок бумаги. Слева написали цифры за 196,9 год, а справа — за 1970 год. Это называется таблица, а по-другому называется сводка. Из таблиц мы увидели, что в 1970 году детдом платил за свет в три раза меньше, чем в 1969 году.

Альвин Валентинович очень радовался. Мы, все ребята, тоже радовались.

У нас был тогда завхоз. Он зачем-то брил голову. Голова у него была от этого круглая и гладкая. Я любил гладить его по голове, и мне было смешно. Когда этот завхоз посмотрел нашу таблицу по расходу электроэнергии, он сказал мне:

— Так держать!

„Так держать“ — это делай так всегда.

Таблицу мы повесили в стенгазету и очень гордились, что помогли детскому дому. Так я выполнил вместе со всеми ребятами свое комсомольское поручение.

А теперь отгадайте, ребята, зачем я вам все это рассказал. Думаете, просто так, чтобы вам было смешно и интересно? Нет. Я хитрый.

Что такое комсомольская работа? Вы, наверное, думаете, что это какая-нибудь особенная работа?

На самом деле комсомольская работа — это любая работа, которую вы делаете каждый день. Это и уход за животными, и дежурство по классу, по спальне, по столовой, и еще многое. Любая работа комсомольская, когда ее делают комсомольцы. Но комсомольцу надо

делать эту работу лучше других. А если он делает свою работу плохо, то он не комсомолец — не настоящий комсомолец, — и его работа не комсомольская работа, понятно?

Точно так же и партийная работа. Она партийная, потому что ее делает коммунист. Но коммунист должен делать свою работу лучше всех.

Вот видите, как все легко, понятно и просто! Не надо придумывать какую-то особенную комсомольскую работу. Вы — комсомольцы. Все, что вы делаете, — это и есть ваша комсомольская работа. Только надо делать ее хорошо.»

К концу дня в кабинет вкатывается клубок сцепившихся руками ребят: они о чем-то разговаривают на ходу. Радж протискивается поближе ко мне. Я беседую с Сашей, дактилируя ему в левую руку. Радж одной рукой следит за шевелением моих губ, другой — пытается уловить пальцевые фигуры нашей беседы. Юре Саша синхронно передает наш разговор из руки в руку, тот — по цепочке дальше.

Одно из последних стихотворений Саши — «Вредная зима». Я прошу Сашу прочитать стихотворение наизусть. Саша вначале смущенно отмахивается, но потом соглашается. Он читает одновременно всем слушателям: мне — голосом, Юре и Раджу — дактилируя двумя руками в ладони.

Что за вредный у зимы характер!

В точности, как у иных людей.
Все исполню, мол, тогда-то, так-то, —
Срок большой, в запасе много дней.
И дивятся на нее народы:
То ль зима, то ль осень на дворе?
То мороз и лед везде, то броды
Ищешь через лужи в январе.
Чуть не все три месяца халтуря.
Спохватилась — скоро март! Аврал!
Сколь осталось, выдала все бури
И мороз ударно затрещал.
Для отчета созидает факты:
Я как все — не мягче, не лютей…
Что за вредный у зимы характер!
В точности, как у иных людей.

Разговор о поэзии разгорается с новой силой; Юре Саша

поясняет некоторые выражения, а Раджу наша беседа совсем непонятна. Чтобы не скучать, он начинает играть со мной. Его рука скользит по моей шее, забирается за ворот «водолазки». Одна моя рука занята беседой, в другой — листки со стихами. Я не отвечаю на шутки Раджа. Тогда он начинает щекотать мне ухо. Я прерываю беседу и хватаю Раджа за руку. Он смеется и, чтобы я не обиделся, показывает жест «смешно». Я посвящаю Сашу в проделки Раджа. Смех становится общим.

Радж всегда в делах. Он необыкновенно изобретательный, ловкий парнишка. Правда, не обходится здесь и без естественных для его возраста проказ.

Во время своих нескончаемых занятий лепкой Радж очень сблизился с разделявшим его увлечение Юрой.

Я всячески поощряю их дружбу. Юра — мальчик нерешительный, трусливый, но интеллектуально развитый более Раджа. Общение с Раджем помогает ему преодолевать боязливость и двигательную пассивность. Теперь Юра нередко оказывается соучастником Раджиных проделок. По двору они не ходят, а носятся как угорелые.

Радж не видит, но он предприимчив и силен, у него ловкие руки, он и инструментами может разными пользоваться, и лепит искусно.

Юра помогает другу в ориентировке, сообщает ему массу сведений, воспринятых зрением. Ему доставляет удовольствие следить за занятиями друга. Под влиянием Юры Радж приобщился к чтению.

За время каникул Радж пристрастился к еще одному увлекательному занятию — звероловству.

В сарае для зимовки животных крысы — сущее бедствие. Они уничтожают корм, разносят болезни, пугают кур и кроликов, а иногда нападают на них. Я расставляю в сарае крысоловки в таких закутках, куда не заходят дети. Дети. Но не вездесущий Радж.

Я никак не мог уразуметь, почему крысоловки сдвинуты с места, а в ведре, куда я выбрасываю свои жертвы, появляются новые трупики. Кто он, мой анонимный помощник?

Все прояснилось совершенно неожиданно. Как-то Радж появился в кабинете со своим неразлучным другом.

— Сколько стоит крысоловка? — задал Радж вопрос.

— Для чего тебе это?

— Я хочу купить крысоловку и ловить крыс.

— Зачем?

— Крысы едят овес у овцы, овца боится крыс.

— Но заряжать крысоловки опасно, — возразил я, — можно

прищемить палец.

— Я умею заряжать крысоловки. Я не боюсь прищемить палец.

Я назвал цену крысоловки, и удовлетворенные ответом друзья ушли.

Этот визит несколько прояснил ситуацию. Но мне было интересно посмотреть, как Радж справляется с расстановкой капканов. Для меня самого занятие это было не из приятных, и каждый раз я заряжал крысоловку с известной долей опасения оказаться жертвой этого беспощадного устройства. Именно поэтому я не доверял никому столь опасное, на мой взгляд, дело.

Я уже знал, что самые интересные мальчишеские дела Радж осуществляет рано утром, до прихода воспитателей. Вскоре мне представился случай: я застал Раджа за его тайным увлечением. Голова его торчала в пустой кроличьей клетке, и оттуда доносилось позвякивание металлических частей капкана. Остановившись вблизи, я наблюдал, как Радж, придерживая одной рукой дужку капкана, пальцем другой регулировал кончик фиксатора в отверстии плеча приманочной площадки. Я сопоставил собственные действия при зарядке крысоловки с манипуляциями Раджа. Расхождений не было. Мало того, неожиданно для себя я осознал, что всегда регулирую конец фиксатора в отверстии на ощупь, не используя при этом зрение.

Радж выпрямился, удовлетворенно хмыкнул и со-брался уходить.

— Здравствуй! — Взял я его за руку. — Я видел, как ты заряжал крысоловку. Но как ты ее нашел?

— Мне Юра сказал, что вы ставите крысоловку в клетке.

— Радж, ловить крыс очень опасно. Ты протянешь руку за крысоловкой, а там крыса раненая. Она тебя укусит.

— Я хожу с Юрой. Он смотрит и трогает крысу палкой.

Оказывается, друзья предусмотрели все неожиданности. Мальчишки очень хорошо дополняют друг друга. Такого рода дружба, основанная на взаимопомощи при различном характере дефектов, сохраняется у наших воспитанников на долгие годы. Правда, устанавливаются такие отношения не сразу. Нередко в случае полной слепоглухонемоты приходится искусственно формировать круг общения ребенка, организовывать его первые контакты со сверстниками.

На самом раннем этапе социализации такого ребенка бывает достаточно снабдить его инструментами, заинтересовать сверстников общением с ним, обучить некоторым навыкам. Так, Витю К. удалось обучить ремонту брайлевских машинок, которые часто ломались. Благодаря этому умению у него завязались

постоянные дружеские контакты с окружающими. Коля М. наловчился искусно мастерить посылочные ящики. У него не было недостатка в заказах не только воспитанников, но и воспитателей. Федя С. по поручению пионерской, а затем комсомольской организации стал общественным почтальоном. Общеизвестно, сколь почитаемы представители этой профессии в обычной жизни. В условиях нашего детдома Федя-почтальон был особенно желанным. Он не только взялся разносить почту, но приобретал, а затем распродавал конверты, марки, открытки.

В конце прошлого года на вопрос ‘воспитательницы, хочет ли он поехать на каникулы домой, Радж, помолчав, ответил:

— Я не поеду домой, я занят, у меня много работы в детском доме. В каникулы ребят будет мало — кто будет ухаживать за животными?

Не поехал. Ухаживал. Такая высокая мера ответственности у тринадцатилетнего подростка могла сформироваться только в повседневном любимом сознательном труде.

Каникулы для нас — это и время не очень-то приятных консультаций и обследований. Одному — в Институт глазных болезней им. Г. Гельмгольца, другому — в НИИ дефектологии, третьему — в лабораторию слухопротезирования для подгонки вкладышей или подбора слухового аппарата. Да мало ли при слепоглухонемоте сопутствующих заболеваний, они тоже требуют консультаций, обследований, лечения. Наш транспорт в каникулы нарасхват. Кое-кому и совсем неприятное дело предстоит — глазные операции. К счастью, они, как правило, дают положительный результат.

Иногда наши каникулы омрачаются и по другому поводу.

> «Нелли Васильевна!
>
> Мы все не будем рвать листы, где написано „карантин“. Мы уже сами написали и повесили на дверях, что на крыльце, и на калитке: „карантин“. Мы просим у вас прощения.
>
> Капустянская — 1 раз рвала а апреле, Головенко — 5 раз, Мамилова — 2 раза, Зеленюк — 1 раз».
>
> И внизу размашисто от края до края листа еще раз: «Просим прощения».

Да, карантин в каникулярное время непереносим. Карантин — это значит запрет на выход за пределы двора, в город, на экскурсии, на встречу с родителями, друзьями. Как он ненавистен, маленький листочек белой бумаги на двери. И всего-то четыре кнопочки. Ну можно ли устоять?

Часто нар спрашивают, шалят ли наши дети. Шалят, как

видите. И порой даже очень остроумно. Они-то быстро сообразили, как обойти карантин. Администрация же девять раз ломала голову над таинственным исчезновением объявлений. И только после задушевной разъяснительной беседы с комсомольцами удалось выявить «злоумышленников». Следствие было коротким. В итоге — чистосердечное раскаяние. Наказания не последовало, ибо проступок — результат недостаточной осведомленности о последствиях несоблюдения карантина.

Настольные игры, бильярд, велосипеды и педальные машины, проведение вечерних мероприятий и дней здоровья помогают смягчить карантинный режим. Один из традиционных и любимых видов спорта и отдыха в нашем детдоме — шашки и шахматы. Искусство шашечно-шахматной игры передается от одного поколения воспитанников к другому. В то время как малыши, едва обучившиеся дактильному общению, овладевают азами шахматно-шашечной грамоты, их старшие товарищи успешно участвуют в областных соревнованиях среди команд УПП ВОС.

Каникулы — это и интенсивное дружеское общение. Глядя на наших беседующих ребят, посетители часто спрашивают: «О чем они говорят?» В каждом конкретном случае трудно ответить на этот вопрос. Ведь дактилирующие пальцы скрыты под ладонью собеседника. Но говорят наши дети о разном. Содержание индивидуального опыта, личные взаимоотношения, сведения, почерпнутые из учебников, художественной литературы, — все может быть предметом обсуждения. В общем, обычные детские разговоры. Содержание их зависит от интеллектуального уровня собеседников. Общение способствует умственному развитию ребят, и мы всячески поощряем беседы между воспитанниками.

Это хорошо иллюстрируется «исповедью» разговоров одного из старшеклассников с полностью слепоглухонемым подростком Федором С., изложенной письменно по моей просьбе.

> О чем мы с Федором разговариваем
>
> С Федором мы разговариваем уже давно, с прошлого года. До этого он стеснялся меня, не хотел отвечать на мои вопросы; если он хотел мне что-нибудь сказать, то всегда показывал мне какой-нибудь предмет, о котором хотел сказать.
>
> Например, хотел сказать, что получил новую рубашку или штаны. В таких случаях Федор всегда просто прикладывал мою руку к обновке и мычал, ничего не говоря. Я ему показывал большой палец (хорошо), и Федор тут же отнимал свою руку.
>
> Так было в первых двух учебных годах. А с прошлого

года, вернее, с 1974 по нынешний год мы стали больше разговаривать дактильно. Федор стал мне говорить дактильно тогда, когда начал читать книги. Дело в том, что Федор — парень любознательный. Он стремится узнать все новое, стремится выяснить значения новых слов, встреченных в книгах.

Так что наш разговор в основном состоит из расспросов и объяснений. Сам он почти ничего не рассказывает мне.

Читает книги Федор в спальне. Как только ему встретятся новые слова, он тут же обращается ко мне и прочитывает целые предложения с этими словами. Продиктовав их мне, перекладывает свою ладонь на мою руку, давая знак (объясни, мол). Тут я начинаю разъяснять ему их. Если мне все слова известны, я легко объясняю их значения жестами.

Чтобы Федор лучше понял значения слов, я стараюсь яснее показать жестами действия, которые производят с предметами, названия которых он спрашивает. А если мне самому не известны слова, то я говорю Федору: «Не знаю». Но Федор допытывается значений. Федор обычно не обращает внимания на мои слова «не знаю». Он снова и снова диктует одно и то же слово, не желая понять, что я не знаю. Тогда мне приходится отнимать руку, чтобы он не надоедал с одним и тем же вопросом.

Бывают такие случаи, когда Федор задает мне такие слова, значения которых я знаю, но не могу объяснить, так как не знаю жестов, которыми можно объяснить. Тогда я показываю ему знак неуверенности или просто говорю: «Не знаю». И в таких случаях Федор тоже настойчиво допытывается у меня.

И кроме того, Федор часто диктует мне из книги целые предложения, которые сам хорошо понимает. Обращается он в таких случаях ко мне для того, чтобы убедиться в своем правильном понимании. Я ему жестами повторяю все предложения. После этого Федор, убедившись в своей правильности, мыча, показывает мне «хорошо» или «да».

Кроме расспросов и разъяснения я иногда делаю Федору замечания. В таких случаях у нас с ним бывают затруднения. Федор вообще не любит, когда я его ругаю. Начинает сердиться, иногда лезет в драку. Например, ругаю его за то, что долго не ложится спать, долго в туалете сидит, дерется с ребятами и пр. Так мы с

Федором разговариваем.

Автор «исповеди», сам того не подозревая, раскрыл ход языкового и интеллектуального развития Федора: от самых примитивных средств общения — жестов непосредственного показа до попыток обсуждения абзацев литературных произведений.

При первоначальных контактах Федор не «стеснялся», как утверждает по наивности старшеклассник. Просто у мальчика еще не было социально приемлемых средств эмоционального выражения переживаний и общения. Демонстрацию обновок и жест показа он сопровождал неадекватными его состоянию гримасами и телодвижениями, которые не имели никакого сходства с общепринятыми в таких ситуациях пантомимическими выражениями восторга, радости, а напоминали позу и мимику стесняющегося человека.

Каникулы — время любимых занятий воспитанников. Вот одна из девочек, уютно устроившись в кресле, читает толстенную брайлевскую книжку. Другая, которую прозвали Горошинкой (она все время куда-то укатывается из поля зрения воспитателя), что-то печатает на машинке, третья играет с куклой. Эти моменты уединения так же необходимы детям, как и коллективное общение. Ребенок обязательно должен побыть один на один со своим «я». Ни о какой пользе коллективного творчества не стоит говорить, если душа не приучена трудиться наедине. Ведь слепоглухонемых детей надо готовить не только к деятельности, но и к осмысленному, наполненному досугу в будущей взрослой жизни.

Подходит к концу последний день каникул. За окном фиолетово-морозные сумерки. Ребята собрались в столовой и, шумно двигая стульями, рассаживаются за столами, составленными буквой Т. В центре внимания — большой пирог со свечами. Только вот назначение свечей необычное: они говорят не о количестве прожитых лет, а о том, сколько за столом собралось именинников. Каждый из них уже готов погасить свою свечу. Задувание свечей сопровождается громкими, немного нестройными аплодисментами «гостей».

На середину столовой выходит девочка с поразительной пластикой движений. В руках удочка. Начинается пантомима «рыболов». По всему видно, что рыболову не везет. То старую шляпу вытянет, то худой башмак. Дети смехом встречают каждую неудачу. Но вот спина Светланки напряглась, руки поразительно точно передают момент выуживания большой рыбины. Затаились и ребята. Но вдруг все даже вскочили. Оказывается, на крючок

попалась огромная золотая картонная рыба, до плавников набитая подарками. Сейчас все перейдут в актовый зал. Друзья вручат именинникам сюрпризы, сделанные своими руками. Каждому на шею наденут на красивой ленте золотую шоколадную медаль с обозначением возраста именинника. Все будут играть. И трудно будет угомонить развеселившихся ребят.

Как важно эти свободные от занятий дни каникул наполнить яркими, интересными, желанными для ребят делами, организовать выполнение обычных бытовых обязанностей так, чтобы они доставляли радость всем. Потому что одной лишь развитой потребности в деятельности недостаточно. Важно, чтобы она смыкалась с потребностью в общении, заботой о других людях. Именно поэтому каникулы — это время установления более глубокого понимания и дружеских отношений между детьми, обогащения опытом общения с товарищами, воспитателями, гостями нашего дома, книгами, природой — общения, позволяющего ощутить полноту и радость жизни.

Мы живем среди друзей

С каждым годом друзей у нас становится все больше и больше. Среди них студенты и рабочая молодежь, школьники и учащиеся техникумов, ПТУ. Наши друзья с нами в период отпусков, каникул, в выходные и праздничные дни. Мы живем на одной земле и совместно облагораживаем ее.

Вот уже не хватает для размещения друзей одного флигеля. Решаем приспособить под летнее жилье бревенчатый сарай. И вот между двумя сараями выстраивается цепочка. В ней и воспитатели, и воспитанники, и наши московские друзья, и Саша Суворов. По цепочке плывут дрова из освобождающегося сарая. Работа кипит. Слабовидящий глухонемой подросток Коля Г. смешит весь народ. Он подмечает в поленьях сходство со сказочными образами и в соответствии с ними инсценирует экспромтом. Вот в его руках длинноносое полено превращается в Буратино, которого Коля ласково гладит по головке. А вот толстоносый Бармалей. Ему Коля грозит кулаком и ударяет в воображаемую скулу. Он находит время продемонстрировать свои выдумки стоящим рядом Раджу и его другу Юре. Они быстро ощупывают поленья, движения Колиных рук и улыбаются.

Приехал из УПП Миша Н., побежал за рукавицами, ищет место в общей цепи. Но Миша у нас работник квалифицированный. Его нерационально использовать на подсобных работах. Ему задание особое: выпилить окно в бревенчатой стене.

Как мы строим свое сотрудничество с нашими друзьями?

В совместном с воспитанниками труде и спорте, во время отдыха, театрализованных представлений укрепляются дружеские связи, рождается взаимопонимание. И главное, мы учимся жить среди людей, радоваться жизни и радовать других.

Откуда берутся наши добровольные помощники? Мы не обращаемся в ректораты, в комитеты комсомола, к администрации предприятий, ПТУ. Раньше пробовали. И к нам присылали, получалось плохо. Посланцы, проработав немного, приходили выяснять, в котором часу их отпустят. Мы хотим, чтобы к нам приезжали сами. Поэтому добровольность— наш незыблемый принцип. Приходят к нам просто знакомые наших знакомых. Это может быть один закадычный друг, а может и целая факультетская группа. Не понравилось — не держим. Понравилось — приходи еще. Увлекся — составишь инициативное ядро. Так мы и живем. Живем, творя радость, насыщая духовно друг друга.

«Загорск! С этим словом связана целая жизнь. А разве можно рассказать о целой жизни! — пишет в письме один из членов ростовского клуба „ЭТО“ („Эстетика, творчество, общение“). — И все-таки я попробую.

Все началось очень давно — год и два месяца назад, когда в марте мы вчетвером приехали в Загорск, поскольку нас просили побывать в детском доме для слепоглухонемых. Признаться, ехал со страхом. Уж очень боялся, что начну жалеть этих детей, что увижу перед собой несчастных, убогих. Но вошел в детский дом одним человеком, а вышел другим! Да и мои спутники, по-моему, тоже. До сих пор я с гордостью вспоминаю, что первым из наших ребят увидел детдом. И никогда не забудется то состояние света и радости, с которым я ушел из детдома.

Пройдет всего два месяца, и в наш майский приезд уже целым клубом мы сдружимся с этими ребятами и, разговаривая с ними, будем порою забывать, что они — слепоглухонемые, а дактильный разговор будет иногда казаться чем-то вроде игры, в которой вот-вот они рассмеются и заговорят просто так.

Тогда, год назад. Первое мая мы встретили работой. И какой же это был праздник! По улице шли нарядные люди с шарами и флагами, гремела музыка, день был такой солнечный! А мы с ломами и лопатами в руках „яростно“ вгрызались в землю, наши художники самозабвенно рисовали. И все были бесконечно счастливы оттого, что обычную тяжелую работу, оказывается, тоже можно сделать праздником. А вечером три девочки из детдома с нашей, помощью устроили импровизированный кукольный спектакль.

Через год, в мае, мы приехали опять. Московские ребята многое успели сделать за это время в детдоме, но и нам работы хватило. На сей раз с нами приехали уже восемь художниц, и они расписали вновь построенный забор чудесными рисунками. Остальные заканчивали теплотрассу. О работе можно было бы рассказать много интересного, но самым важным, наверное, был все-таки цирк. Да, да, это был настоящий цирк! С ареной, с занавесом, с переполненным зрителями залом и актерами. Но актерами были… дети! Дети из детдома! Каждый из наших ребят взял себе группу из двух-трех воспитанников, и в течение полутора часов все,

забравшись в разные укромные места, репетировали на ходу придуманные номера. И как же было боязно — а вдруг не удастся, что, если не получится. Даже с обычными детьми сделать импровизированный цирк стоит больших усилий, а тут — эти дети. Но вот началась общая репетиция, и куда делись все страхи. Каждый из нас уже умел разговаривать дактильно, и надо было видеть, с каким вдохновением, отчаянно дактилируя пальцами, ребята творили цирк! А с каким вниманием и тончайшим пониманием нас воспитанники входили в роли и тоже творили. Ведь главными в цирке артистами были они! Тут и дрессировщики спальных мешков, и умные собачки, и гимнасты, и даже показательный бой каратэ! И все это время все были в радостном возбуждении от творящегося на глазах чуда. И вряд ли можно было определить, кто кому доставил больше радости в этот день.

На следующий день мы прощались с Загорском, и я никогда не забуду, как пришедший к нам попрощаться Саша Суворов (бывший воспитанник детдома, а теперь научный работник) в ответ на мой вопрос „В чем смысл жизни?“ сказал: „Я думаю, что смысл жизни в постоянном движении, развитии, что творчество — это форма существования человека. Все остальное — его смерть“. И это сказал человек тотально слепоглухонемой с девяти лет! Человек, доказавший и доказывающий это положение каждым днем своей жизни. И я верю, что для каждого из нас, побывавшего в Загорске, станут вечно живыми и облекутся плотью слова, услышанные мною полтора года назад: узнав об этом, нельзя уже жить так, как жил до этого».

Часто приезжают в наш детский дом гости из-за рубежа. И тогда появляются в книге отзывов такие восторженные строки.

...Результаты, которых вы достигли, осуществимы только в социалистическом обществе. Только оно дает человеку — так же как и в данном случае самым слабым в обществе — слепоглухонемым — возможность развивать свои способности и интеллект. Это блестящий пример того, как в Советском Союзе соблюдаются права человека — никто, даже самый слабый, не забыт и не брошен на произвол судьбы… (Сотрудник Государственной библиотеки для слепых Копенгагена, журналистка Д. Нильсон.)

Пока я сам все не увидел, мне было трудно даже поверить,

что можно достигнуть таких блестящих результатов. При возвращении на родину я обязательно расскажу о вашем опыте, потому что считаю, что за границей надо намного больше знать об этом сугубо гуманном успехе советской науки. (Сотрудник Берлинского университета имени Гумбольдта Ф. Куннер.)

Я была удивлена и поражена тем, что увидела у вас и услышала от вас. Хотелось бы пожелать всем сотрудникам дальнейших успехов в их работе. Очень хочется надеяться, что подобные учреждения вскоре откроются в Англии и других странах мира. Это будет данью всем сотрудникам вашего учреждения. (Х. Пейхем, Лондон.)

Во время визита мы были чрезвычайно поражены подвижностью и веселостью детей и очень восхищены работой, которая проводится с ними. (Д. Вильсон — Королевское общество слепых Англии, М. Баруэлл — Американское общество слепых).

Время неудержимо рвется вперед. Растут физически и духовно наши ребятишки. Уходят в прошлое заботы, оставляя свой след в виде осуществленных замыслов. Давно построена теплотрасса, и в детдоме уже забыли о копоти и гари, о вибрации и шуме от моторов. Не волнует нас и доставка угля. Расширены наши мастерские, поэтому в спальнях стало просторнее. Территория вокруг детдома выросла почти в два раза, и мы имеем возможность возделывать громадный для наших масштабов огород. В свежевыбеленном помещении бывшей котельной комната сказок.

Но рождаются новые планы, появляются другие заботы. Вот и теперь возникла необходимость провести канализацию в мастерские. Рабочие руки есть. И друзья готовы помочь. Ломаем голову, где взять трубы. Думаем и о расширении крольчатника — просим помощи в изготовлении клеток, теребим шефов одного из местных предприятий. А те выставляют свои условия: вырастить для них 50 кроликов на сдачу в Заготконтору. Возникает кооперация. Они нам — клетки и частичное обеспечение кормами, мы — уход за кроликами. Выгода обоюдная, государству — польза.

Недавно мы сдали очередную партию кроликов, а деньги по решению комсомольского собрания были перечислены в Фонд мира. Событие весьма знаменательное, ибо свидетельствует о значительно возросшей духовности наших питомцев, о выходе их интересов за рамки личных и узкоколлективных выгод.

Обновился частично и состав воспитанников. Олег, Юра, Оксана и некоторые другие работают на УПП и живут там в общежитии. В детдом привезли двух маленьких девочек-близнецов Надю и Любу…

Радж уже оформлен надомником и по два часа в день работает в нашей мастерской. Над губой у Раджа черные усы. Какой цыган без усов?! Лошади, у нас все еще нет. Поэтому Радж продолжает ухаживать за овцами. Да, да, наше баранье стадо умножилось и требует значительных запасов кормов. В связи с этим нашли мы применение и для новогодних елочек. После новогодних праздников наш автобус с воспитанниками объезжает микрорайоны города и собирает выброшенные елки. Хвоя оказалась деликатесом для наших животных. Эту витаминную пищу с удовольствием едят и овцы, и кролики. Даже куры и цесарки находят приемлемой для себя зеленую подкормку.

В этом году мы начнем строить комплекс. Это будет уникальное сооружение с зимним садом и плавательным бассейном. Предусмотрены большие производственные мастерские и научно-исследовательская лаборатория.

Уже отведен участок площадью в десять гектаров. Он расположен вблизи лесного массива за чертой города Загорска.

Из ростовского клуба «ЭТО» приехал к нам посланец — студентка четвертого курса факультета психологии РГУ Алла Ефанова. Она оформилась официанткой в детский дом, а в свободное время занялась организацией молодежного клуба. И уже новое поколение шефов, выросшее на местной, загорской почве, делится опытом клубной работы с друзьями из других городов.

«Здравствуйте, Игорь!

Как мы поняли, вы хотите узнать о нашем клубе, чем мы занимаемся, что нас в нем привлекает и удерживает. А начался он совсем неожиданно, и мы его первооткрыватели. Как-то в школу пришла к нам девушка и стала рассказывать кучу интересных вещей, которых мы, живя в Загорске, не знали. Даже стыдно за это. Она рассказала нам про детдом, про ребят, которым очень нужны друзья, наше общение с ними и пригласила нас в гости — это была Алла. Пришло нас всего 4 человека, но и этого для начала было достаточно. Алла ввела нас в курс детдомовских событий, рассказала очень много полезного, и еще она предложила нам подготовить ребятам кукольный спектакль и показать его в следующую субботу. Мы, конечно, удивились: таким детям спектакль, да еще кукольный! Удивились, но согласились. После первого спектакля все сомнения исчезли, мы поверили в свои силы, в свои возможности перед этими детьми. Мы показали ребятам 3 спектакля:

„Золушка“, „Колобок“ и пальчиковый. Сказки были переделаны, упрощены и дополнены новыми персонажами. Кукол сделали из обыкновенных вещей, которые нас тогда окружали: ложки чайные и столовые, нож и нитяные клубки — вот и все, что у нас было. Вы не удивляйтесь — из этих на первый взгляд простых вещей получились очень интересные куклы, удивительные, а главное, они были не такие, как все. Нужна только фантазия. Это было, наверное, самое главное в нашем спектакле, так как у этих ребят очень слабая фантазия, у некоторых ее совсем нет. Вы бы видели радость этих ребятишек, когда у них на глазах из обыкновенного клубка получались заяц или лиса. Они быстро вовлекались в нашу игру, делали игрушки сами, мы только им немножко подсказывали. После показа спектакля они ворвались к нам за ширму, растаскали все игрушки, нам не было жалко ни ложек, ни клубков, мы были счастливы, ведь мы немножко боялись: получится ли? И у нас получилось. Даже очень здорово!

Клуб наш растет. Каждую субботу к нам приезжают студенты из Москвы, иногда гости из Ростова. Двое ребят из МАИ ведут с нашими ребятами авиамодельный кружок. Это очень трудно, но зато сколько радости приносит это мальчишкам, ведь они сами делают модели самолетов! А совсем недавно мы провели вечер смеха. Сначала у нас были небольшие игры, с маленькими детьми. Затем включили пластинки и стали танцевать. Вы не думайте, что если дети глухие, то они не слышат музыки. Они чувствуют музыку, конечно не такую, как мы, по вибрации. Но больше всего этим ребятам необходимо общение. Вечерами, когда мы собираемся в детдоме, они приходят к нам. Начинаются разговоры, споры, игры, совместный труд, а иногда просто сидим и поем песни под гитару, в общем, все то, что называется общением. Всегда бывает очень интересно и весело, и что самое главное: каждый чувствует себя непринужденно и раскованно.

Все это началось не сразу, не вдруг, а постепенно, так что вы не отчаивайтесь, что у вас не получается. Важно заинтересовать первый раз, а для этого надо выяснить, чем интересуются ваши ребята, и с этого переходить на все остальное. Так что клуб ваш организуется обязательно, для этого совсем не нужно начинать работать с большой группой. Например, нас

пришло в первый раз 4 человека, зато сейчас, по прошествии двух месяцев, не меньше 20. А вообще, обо всем словами не расскажешь. Лучший совет: приезжайте к нам и увидите все своими глазами…»

Неуловимое время! Вот уже заканчивается реконструкция канализации. На оставшихся трубах примостилась девушка из клуба «ЭТО»: обучает игре на гитаре наших ребят. Сразу двоих. На их лицах усердие и радость.

Из окон новой мастерской, в которой еще ведутся отделочные работы силами наших друзей, выставлены колонки магнитофона. Это, пожалуй, единственно оправданный случай использования их на всю техническую мощь. Что поделаешь, для осязательного восприятия музыки необходима сильная вибрация. Рядом с динамиком стоит юноша, приехавший из Москвы специально для встречи с ростовчанами. Саша прислонил руку к стенке колонки. На его горле лежит несколько детских рук. Саша поет, а дети, касаясь его горла одной рукой, слушают пение, другой — воспринимают аккомпанемент через вибрацию корпуса колонки. Падают первые капли дождя, но никто их не замечает.

На стенах детской веранды слабовидящие Коля Г. и Толя Ч. вместе с самодеятельными художниками из клуба «ЭТО» рисуют красками смешные картинки. Радостно видеть такую дружбу! А накануне, еще до приезда ростовчан, в самый разгар подготовки к их встрече кто-то срезал в раздевалке красивые пуговицы с пальто воспитательницы. Вот и решай педагогический ребус. Ищи мотивы проступка. Что это: детская месть за излишнюю требовательность педагога, шалость, предложение игры в «кошки-мышки» или переходящая все границы жажда коллекционирования? А может быть, в атмосфере всеобщего подъема кто-то остался незамеченным, нераскрывшимся, непонятым, одиноким? Вот и хочет таким способом обратить на себя внимание, утвердиться.

Что-то мы проглядели, недоделали. Психику человеческую формируем, растим человека, а такие детские проказы застают нас врасплох, пугают, огорчают. А почему, собственно,, огорчают? Это ли не свидетельство успешно осуществленного первоначального воспитания? Разве сами эти шалости не говорят в пользу уже состоявшегося человека!? Еще далекого от нашего идеала, но уже человека? Человека, способного к переживаниям, размышлениям, может быть, к шалости или протесту, выражению, хотя и анонимно, собственного мнения, берущего на себя инициативу, стремящегося изменить или установить отношения с беспуговичным оппонентом. «Кто же это?» — терзает меня

неотступная мысль. Очень хочется обнаружить, узнать. Не для того, чтобы наказать — чтобы исследовать явление, вскрыть его причины, оказать срочную педагогическую помощь ребенку. Мои размышления прервало появление виновника происшествия, не вынесшего всеобщего негодования. Подросток понял, что омрачил нашу радость встречи с ростовскими друзьями. Душа требовала покаяния.

— Зачем? — задаю я первый вопрос, выслушав признание.

— Смешно.

— Что смешно?

— Воспитатели бегают, спрашивают.

— Ну да, а ты сидишь, как крыса в норе. Кающийся уронил голову.

— Стыдно? — подсовываю я свои дактилирующие пальцы под склоненное лицо. В ответ какое-то невразумительное шевеление пальцев. Подросток явно растерян и обескуражен. Надо поддержать.

— Что ты дальше делать думаешь? — спрашиваю я, надеясь услышать извечное детское «больше не буду». Но следует неожиданный ответ:

— Буду штукатурить новую мастерскую.

Вот оно что! Пуговицы — это преходящее, это несерьезно, а новое дело, которому научил мальчишку его ростовский друг, — это то, что надо. Он знает цену труда. Именно так он хочет заслужить прощение, загладить поступок собственным трудом. Значит, все-таки состоялся Человек?!

notes

Примечания

1

Адрес детского дома: 141300 г. Загорск Московской обл., пр Красной Армии, д. 92/2. Здесь воспитываются дети с глубокими поражениями зрения и слуха.